

Патрушев Сергей

Невеста инквизитора

Сергей Патрушев

Невеста инквизитора

«Автор»

2026

Патрушев С.

Невеста инквизитора / С. Патрушев — «Автор», 2026

Кира де Фальконе продаёт себя Верховному Инквизитору Рейну, чтобы сбежать из нищеты. Вместо романтики её ждет холодный расчёт: она должна стать идеальной «картинкой» для возвышения жестокого гения. Пройдя путь от голодной мыши до роскошной хищницы, Кира понимает правила игры — власть покупается кровью и золотом. Но когда она пытается бунтовать, Рейн ломает её волю самым страшным способом: он делает её равной себе в искусстве цинизма.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сделка на крови и золоте	5
Глава 2. Первая горсть монет	11
Глава 3. Искусство быть трофеем	19
Глава 4. Вкус вседозволенности	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Патрушев

Невеста инквизитора

Глава 1. Сделка на крови и золоте

Дождь в столице никогда не пах озоном или свежестью, как пишут в дешевых романах для сентиментальных барышень. Дождь в Астерии вонял мокрой шерстью, конским навозом из сточных канав, угольной гарью от мануфактур Нижнего города и сладковатым тленом разложения, который просачивался сквозь камни древних катакомб.

Верховный Инквизитор Рейн стоял у окна кареты, глядя на то, как тяжелые свинцовые капли сбегая по черному стеклу его очков. Очки были не данью моде — они скрывали цвет его глаз. В Совете поговаривали, что глаза Рейна меняют оттенок в зависимости от того, какую ложь он слышит: от прозрачного льда до запекшейся венозной крови. Сам Рейн знал правду проще: это была лишь игра света на радужке, но миф работал на него безотказно. Страх — самый дешевый и эффективный инструмент управления.

Карета, запряженная четверкой вороных коней с гербами Священной Канцелярии на дверцах, остановилась перед домом номер четырнадцать по Кривому переулку. Это был даже не переулок, а узкая щель между двумя массивными особняками старой аристократии. Дом под номером четырнадцать втиснулся в эту щель, словно забытый после гнилого зуба осколок кости. Три этажа изъеденного влагой камня, покосившаяся мансарда, заросшая серым мхом, и ржавая вывеска над входом, гласившая «Ссудная касса де Фальконе». Буква «л» давно отвалилась, превратив гордую фамилию в нелепое ругательство.

Рейн вышел из кареты, не дожидаясь помощи кучера. Его сапоги из черной кожи ступили прямо в лужу, расшвырнув брызги. На нем был форменный камзол Верховного Инквизитора — безупречный крой, глухой воротник-стойка, серебряные пуговицы в виде раскрытых глаз Провидения. Ни пылинки. Казалось, дождь обтекает его фигуру, боясь коснуться ткани.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь. Колокольчик издал жалобный, умирающий звон. Внутри пахло пылью, застарелой сыростью и отчаянием.

Помещение бывшей конторы встретило его рядами пустых полок. Когда-то здесь стояли стеллажи красного дерева, забитые долговыми расписками, векселями и первыми изданиями редчайших фолиантов. Теперь дерево было продано, чтобы купить хотя бы дров. На полу лежал тонкий слой грязи, нанесенный десятками ног. За единственным сохранившимся столом сидел человек.

Граф Сергей ди Фальконе больше не выглядел графом. Его некогда роскошный бархатный сюртук вытерся на локтях до белесого блеска, обнажив грубую основу. Руки, которые когда-то держали эфес родового меча и ласкали шелк придворных дам, теперь мелко дрожали. Он пытался чинить перьевую ручку, но пальцы не слушались. При звуке шагов Рейна старик вздрогнул так сильно, что чернильница опрокинулась. Густая, почти черная жидкость медленно поползла по столешнице, напоминая пролитую кровь.

— Верховный... Инквизитор, — прохрипел граф, пытаясь подняться, но колени подкосились, и он тяжело рухнул обратно на стул. — Какая честь для моего дома. Прошу простить убожество...

Рейн не ответил. Он подошел к столу, достал из внутреннего кармана идеально белый платок и аккуратно промокнул растекающиеся чернила, не касаясь грязной поверхности стола пальцами. Этот жест вежливости пугал сильнее любого окрика. Чистота посреди всеобщего распада.

— Где она? — голос Рейна был лишен эмоций. Ровный, тихий, гипнотический тембр человека, привыкшего диктовать смертные приговоры шепотом.

— Наверху, — граф сглотнул, кадык на тощей шее дернулся. — Читает. У нас осталась одна книга. Поэтическая антология семнадцатого века. Она говорит, что бумага там еще хранит тепло печатного станка.

— Идите вниз, Сергей, — приказал Рейн. — Ждите в карете. Если увижу ваше лицо снова до моего отъезда, отправлю чистить канализацию Четвертого округа голыми руками. Вы меня поняли?

Старик закивал слишком часто, отчего голова на тонкой шее казалась маятником сломанных часов. Он суетливо накинуд на плечи ветхую шаль вместо плаща и, шаркая стоптан-ными подошвами, поспешил прочь, огибая инквизитора по широкой дуге.

Рейн остался один. Тишина старого дома давила. Слышно было, как где-то капает вода и как на втором этаже скрипнула половица.

Он начал подниматься по лестнице. Ступени стонали под его весом, но не прогибались — дом строили на совесть, в те времена, когда золото рода де Фальконе текло рекой. Каждая ступенька помнила шаги предков Киры: гордых воинов, алхимиков, меценатов. Теперь их кровью и золотом оплачивалось право этого мира существовать под защитой Инквизиции. Ирония заключалась в том, что последний платеж должен был внести сам наследник, отдав единственное сокровище.

Кира сидела на подоконнике в комнате под самой крышей. Единственная вещь в этой спальне, которая стоила дороже трех медяков — пуховое одеяло, явно заложенное в ломбарде кем-то из прежних жильцов. Сама девушка куталась в старую вязаную шаль, которая была ей велика и висела мешком на острых плечах.

Она не читала. Книга лежала раскрытой у нее на коленях лицом вниз. Кира смотрела в окно, на серый поток воды. Ее профиль в тусклом свете дождливого дня был болезненно красивым. Высокие скулы, бледная кожа, через которую, казалось, можно увидеть ход времени, и копна спутанных каштановых волос, небрежно сколотых костяным гребнем, потерявшим половину зубцов. Но главным в ее лице были глаза. Огромные, цвета выдержанного янтаря, с темным ободком вокруг зрачка. В них не было страха нищеты. В них была глухая, всепоглощающая усталость. Усталость двадцатипятилетней женщины, похоронившей свою молодость заживо ради выживания сумасшедшего отца.

Рейн остановился в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку. Он умел двигаться абсолютно бесшумно, но сейчас намеренно едва слышно переступил с ноги на ногу. Звук тяжелого кожаного сапога о разошедшемся паркете прозвучал в тишине комнаты как выстрел.

Кира не вскрикнула. Она медленно повернула голову. Янтарные глаза скользнули по его фигуре, оценили дорогую ткань, идеальную осанку, холеные руки. Оценили угрозу. Губы дрогнули, но не в улыбке — в гримасе привычного презрения к собственной участи.

— Кредитор пришел лично? — спросила она. Голос у нее оказался низким, с легкой хрипотцой, выдающей простуду. — Обычно папа спускается сам, чтобы отдать последние ложки. Серебряные мы уже проиграли в карты три года назад.

— Я не кредитор, — ровно произнес Рейн. — Я покупатель.

Кира горько усмехнулась. Уголки ее губ опустились, подчеркивая тени под глазами. — Что ж, проходите, оценивайте товар. Только учтите, девственность нынче стоит дешево, особенно если отец-алкоголик сидит внизу и готов подписать любую бумагу за стакан подогретого вина. Могу предложить вам чай. Травяной. Мы собираем подорожник во дворе. Очень бодрит.

Она издевалась. Отчаянно, зло, используя сарказм как последнюю линию обороны. Большинство мужчин на месте Рейна ударили бы ее по лицу за такую дерзость. Или смутились бы.

Рейн оттолкнулся от косяка и сделал шаг в комнату. Комната мгновенно показалась крошечной. Запах дождя, исходивший от его мокрого плаща, смешался с запахом старых книг и женского тела.

— Мне не нужен ваш подорожник, госпожа ди Фальконе, — сказал он, останавливаясь в двух шагах от нее. — Мне нужны вы. Целиком.

— Какое облегчение, — фыркнула Кира. — А я уж испугалась, что вы анатом. Хотя разница невелика. Инквизиция тоже любит разбираться в чужих внутренностях. Чего вы хотите? Информацию на кого-то из моих дальних родственников? Мои воспоминания о счастливом детстве? Их немного, торговаться будет сложно.

— Я хочу жениться на вас.

Слова упали в пространство между ними, тяжелые и плотные, как свинец. Кира моргнула. Раз, другой. Она ожидала чего угодно: требования переписать остаток земли, предложения стать осведомительницей в обмен на жизнь отца, банального изнасилования, в конце концов. Но брак?

Ее губы искривились в новой, куда более опасной усмешке. — Вы ошиблись адресом, господин хороший. Для брачных контрактов со старыми извращенцами есть другие заведения. И мой папаша обычно берет плату вперед. Золотом, не бумагами. Наш титул ничего не стоит уже лет десять.

— Ваш титул стоит ровно столько, сколько я за него заплачу, — парировал Рейн. — А моя фамилия сделает его бесценным. Через месяц Совет Инквизиции будет выбирать нового Магистра Надзора. Им станет либо бастард герцога Валлара, известный своей любовью к пыткам несовершеннолетних, либо я. Бастард силен поддержкой армии. У меня нет армий. У меня есть только репутация неподкупного слугителя веры. Репутации нужна жена. Аристократка. Желательно из древнего, пусть и разорившегося рода, чтобы никто не посмел тыкать в меня пальцем из-за низкого происхождения. Род де Фальконе чист. Предков не обвиняли в ереси. Идеальная картинка.

Он говорил об этом так же буднично, как о заказе обеда. Никакой романтики. Никаких извинений. Просто логистика власти.

Кира слушала, и внутри нее что-то оборвалось. Не сердце — надежда. Последняя, глупая детская вера в то, что мир хоть иногда бывает справедлив. Значит, вот оно как. Ее просто купят для витрины. Красивая кукла рядом с чудовищем, чтобы само чудовище казалось людям чуть менее омерзительным.

— И что получу я? — тихо спросила она, впервые за время разговора отведя взгляд от его лица и посмотрев на свои тонкие, покрасневшие от холода пальцы. — Кроме чести называться женой палача?

— Всё, — ответил Рейн.

Это короткое слово повисло в воздухе. Оно требовало расшифровки.

— Титул герцогини, — продолжил он, методично загибая пальцы в черной перчатке. — Официальный статус Первой Леди Инквизиции. Доступ в закрытые библиотеки Короны. Защиту от любых судебных исков. Вашего отца переведут в лучший пансионат для душевнобольных Верхнего города, где его будут кормить пять раз в день и выпускать гулять в сад. Ему дадут мягкие рубашки и теплое вино. Он умрет счастливым маразматиком, считая себя спасителем короны.

Рейн сделал паузу, давая ей впитать картину спасения отца. Затем добавил главное: — И неограниченный кредит в Королевском банке. Ваше имя появится на чековой книжке завтра утром. Сумма — любая. Хотите выкупить этот квартал и снести его — покупайте. Хотите одеваться в шелка Дома Лоренс — приказывайте портным. Хотите спать на кровати из костей убитых вами врагов — заказывайте мебельщикам. Деньги станут вашей кожей, Кира. Вашей броней. Вашим воздухом. Вы забудете вкус подорожника.

Он бил точно в цель. Он видел ее голод. Не тот, физический, который можно утолить похлебкой, а другой — сосущий под ложечкой голод безопасности, обладания, возможности швырнуть деньги в лицо тем, кто годами смотрел на нее с жалостью и брезгливостью.

— Зачем вам именно я? — прошептала она. — В столице сотни разорившихся дворянок. Молодых. Послушных. Девственниц, которые умеют делать книксен и молчать в присутствии мужчин. Я умею только считать долги и прятать книги от кредиторов.

— Потому что вы честны, — неожиданно сказал Рейн, и в его холодном голосе промелькнуло нечто похожее на одобрение. — Вы смотрите мне в глаза, хотя боитесь меня до судорог. Вы смеетесь над смертью. Вы не будете падать в обморок на официальных приемах и закатывать истерики из-за неверности мужа. Вы сильная, Кира. Настолько сильная, что предпочли бы сдохнуть в этой плесени, чем просить милостыню. Мне не нужны фарфоровые куклы. Мне нужен партнер по сделке. Взамен на мое покровительство вы станете моим фасадом. Вы будете улыбаться на балах, очаровывать матрон, слушать сплетни и передавать их мне. Ваша красота откроет двери, мои люди вытащат из-за этих дверей секреты. Вы молчите — ваши счета пополняются. Вы открываете рот без моего приказа — счета аннулируются, а ваш отец возвращается пить дождевую воду из луж.

Условия сделки были очерчены. Ультиматум озвучен. Рейн протянул руку. Пальцы в черной коже перчатки ждали.

Кира посмотрела на эту руку. Потом перевела взгляд на стену, где темнело пятно от недавно снятого фамильного портрета. Там, среди позолоты, раньше висел огромный масляный холст: величественный мужчина в латах, изящная женщина с арфой и маленькая девочка в кружевах. Девочка смотрела с картины так, будто знала будущее и заранее прощала своих потомков за слабость.

Теперь стена была пустой. Темное пятно на светлых обоях — идеальный символ их жизни.

Уехать из этого дома. Никогда больше не слышать, как урчит живот от голода. Купить новые зубы кухарке Марте, которая единственная оставалась с ними до конца. Заставить плакать тетюшку Агату, которая вышвырнула их из своего салона год назад, назвав попрошайками. Спать на матрасе, который не пытается тебя сожрать изнутри своими пружинами.

Цена вопроса стояла прямо перед ней. Черная перчатка идеальной формы.

Кира медленно кивнула. Один раз. Резко, как птица клюет зерно.

— Бумаги, — сказала она.

Рейн позволил себе едва заметную удовлетворенную ухмылку, тут же спрятанную за бесстрастностью. Он щелкнул пальцами. Из тени коридора бесшумно выступил секретарь инквизитора — невзрачный человечек в сером, которого Кира даже не заметила при входе. В руках у секретаря был тяжелый кожаный буюар.

Документы легли на подоконник, прямо поверх открытой поэтической антологии. Пергамент был густо исписан каллиграфическим почерком. Брачный контракт. Опись имущества невесты (пустой лист). Акт передачи прав на управление активами супруга. Отдельный лист — распоряжение о переводе графа Сергея ди Фальконе в лечебницу Святого Бенедикта.

— Подписывайте везде, где стоят галочки, — велел Рейн. — Чернила настоящие, имперские. Не сотрутся.

Кира взяла протянутое секретарем перо. Ее рука не дрожала. Впервые за долгие годы она действовала не как жертва обстоятельств, а как хозяйка положения. Пусть иллюзорного, построенного на чужой воле, но все же — хозяйка. Она окунула острие в чернильницу. Капля сорвалась и упала на страницу контракта, расплываясь маленькой воронкой. Словно первая кровь жертвы.

«Кира ди Фальконе», — вывела она своим резким, угловатым почерком. Без завитков. Без попыток подражать благородному курсиву.

Следующая подпись: «Кира Рейн».

Чернила блеснули в полумраке, высыхая.

Как только последняя точка была поставлена, Рейн забрал бювар у секретаря. Дело было сделано. Юридически эта комната и эта женщина уже принадлежали ему.

— Собирайтесь, — бросил он. — У вас пятнадцать минут. Берите только то, что можете унести в руках. Остальное купим новое.

— Все? — уточнила Кира, все еще сидя на подоконнике.

— До последней нитки, — подтвердил Рейн. — Огонь очищает. Завтра сюда придут люди с факелами и судебными предписаниями. Долги вашего отца перед ростовщиками Нижней гильдии никуда не делись. Гильдия очень расстроится, узнав, что главный должник испарился вместе с дочерью. Они любят выбивать пыль из таких мест. Оставлять что-то — значит оставлять след. А следов быть не должно.

Он развернулся, намереваясь выйти, чтобы дать ей собрать свой нищий скарб, но замер. Его взгляд упал на книгу, лежащую на коленях Киры.

Рейн наклонился. Он взял том осторожно, двумя пальцами, словно ядовитую змею. Дорогой переплет XVII века. Толстый срез страниц, покрытый золотой краской.

— «Песни утраченных времен», — прочитал он вслух название. — Редкость. Первое издание. Сейчас такое стоит целое состояние. Почему вы не продали это, когда закончилось серебро?

Кира подняла на него свои янтарные глаза. В них больше не было усталости. Появилось что-то твердое, холодное, отражающее суть самого Рейна.

— Продать последнее, что осталось от тех, кто построил этот дом? — переспросила она. — Чтобы оплатить еду для того, кто этот дом разрушил? Эта книга — доказательство того, что мы когда-то были людьми, а не тараканами, прячущимися за плинтусом. Тараканов легко раздавить. Людей с историей — сложнее. Я берегла ее, чтобы помнить, кто я такая, пока ем свой подорожник.

Она взяла книгу из его рук. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Кожа Рейна была горячей, несмотря на холодный образ. Кожа Киры — ледяной.

— Теперь мне придется ее продать? — спросила она. — Новой герцогине не подобает иметь старые вещи?

Рейн выпрямился. Он посмотрел на девушку сверху вниз. Впервые за весь разговор в его взгляде мелькнуло нечто вроде исследовательского интереса. Она поняла правила игры быстрее, чем многие прожженные политики.

— Нет, — сказал он. — Новая герцогиня может позволить себе целую библиотеку. Включая ту, что спрятана в подвалах Святой Канцелярии. Оставьте книгу. Она послужит хорошим напоминанием.

— Напоминанием о чем? — Кира встала. Шаль соскользнула с ее плеч, обнажая тонкую ночную рубашку, сквозь которую просвечивала хрупкая ключица. Она не пыталась прикрыться.

— О том, из какой грязи я вас поднял, — любезно пояснил Рейн. — И о том, как быстро грязь смыкается над головой, если перестаешь приносить пользу. Пятнадцать минут, Кира. Время пошло.

Он вышел, оставив ее одну в комнате, которая перестала быть ее тюрьмой и стала просто местом преступления.

Кира обвела взглядом стены. Подошла к углу, где под прогнившими досками пола был тайник. Ногтем поддела доску. Достала маленький замшевый мешочек. В нем не было золота. Там лежало кольцо — тонкая полоска серебра с мутным кусочком граната. Единственное, что мать успела сунуть ей в руку перед смертью, умоляя беречь честь. Кольцо не стоило ничего.

Мать солгала тогда, сказав, что в камне магия их рода. Никакой магии не было, камень был обычным стеклом. Но это была ложь, подаренная из любви.

Кира сжала мешочек в кулаке.

Честь. Смешное слово. Рейн купил ее оптом, подписав всего пару листов.

Она натянула на плечи свое единственное приличное платье — выцветшее синее сукно, которое она штопала сама десятки раз, надела стоптанные ботинки, взяла потрепанный сак-вояж, бросила туда смену белья, щетку для волос и ту самую книгу. Больше брать было нечего.

Спускаясь по лестнице, она услышала снизу голоса. Отец что-то радостно лепетал, благодарил судьбу и какого-то святого. Рейн отвечал ему односложно.

Когда Кира спустилась в прихожую, картина открылась ей во всей полноте. Отец, чисто выбритый (секретарь успел распорядиться), переодетый в добротный дорожный костюм, сияя безумной счастливой улыбкой, пожимал руку Рейну. Старик выглядел помолодевшим на двадцать лет. Спасение пришло. Его дочь продавалась дьяволу, но сам он попадал в рай.

Сам дьявол стоял спиной к лестнице. Услышав шаги Киры, он обернулся. Солнечный луч, наконец пробившийся сквозь тучи, упал на его лицо. Рейн действительно был пугающе красив той хищной, асимметричной красотой, от которой перехватывает дыхание. Тонкий шрам, пересекающий левую бровь, не уродовал его, а лишь добавлял образу достоверности. Человек со шрамом знает цену боли.

Их взгляды встретились. Серые, как зимнее море, глаза инквизитора и янтарные глаза девушки.

В голове Киры внезапно вспыхнула четкая, ясная мысль, отрезвляющая лучше ушата ледяной воды. *Картинка*. Он назвал ее картинкой. Витриной.

Что ж, подумал она, сжимая в кармане фальшивое кольцо матери, посмотрим, как долго провисит эта витрина, прежде чем в нее полетят камни. А когда она разобьется, Верховному Инквизитору придется узнать, что стекло имеет свойство впиваться в кожу острыми краями.

Рейн указал рукой на открытую дверь кареты, где маячила фигура кучера. — После вас, герцогиня, — произнес он с легким, едва уловимым поклоном, полным едкого сарказма.

Кира шагнула под дождь, оставляя позади темные пятна на стенах и запах сгоревших надежд. Впереди ждал блеск золота, шелест шелка и холод постели Верховного Инквизитора. Игра началась. И пешка, получившая звание ферзя по прихоти игрока, всегда остается первой целью на шахматной доске.

Глава 2. Первая горсть монет

Карета катилась по брусчатке Верхнего города ровно сорок минут, и каждый из них казался Кире вечностью. Она сидела напротив Рейна, прямая как натянутая струна, но эта нить внутри нее опасно вибрировала от напряжения. Пальцы до побеления впились в колени. Сак-вож стоял у ног, а книга «Песни утраченных времен» лежала сверху — не щит, нет, скорее хрупкий амулет против сглаза.

За окном проплывал Астерий — город, расколотый надвое безжалостным ударом чьего-то клинка. Сначала они бесконечно долго тонули в Нижнем городе, где мелкий дождь продолжал равнодушно смывать чужие грехи прямо в сточные канавы. Там, во влажной полутьме, теснились пятиэтажные доходные дома из почерневшего, сочащегося сыростью кирпича. Из их окон свисали желтые, застиранные простыни, а воздух дрожал, был густым и тяжелым от гула тысяч голосов, звона молотов, лая собак и криков зазывал, продающих жареные каштаны и фальшивые надежды. Затем карета нырнула в Тень — узкий каменный коридор между внешней крепостной стеной и невидимой чертой аристократии. Здесь пахло гарью дешевого угля, мокрой псиной и гниющей речной тиной.

А потом колеса с оглушительным треском простучали по массивному подъемному мосту через ров. В нем не было воды — только черная, вязкая жижа, покрытая радужной пленкой мазута, похожая на застывшую рвоту самой земли. Они оказались в Святом квартале.

Здесь дождя почти не существовало. Высокие, пронзающие брюхо неба шпили храмов Инквизиции собирали все тучи над собой, создавая зону мертвого, высокого давления. Солнце ударило в лицо внезапно, резко, ослепляя после сумрака Нижнего города, отражаясь от белого мрамора стен так яростно, что заболели глаза. Улицы здесь были пугающе широкими, вымытыми до зеркального блеска едким щелочным раствором. Вместо нищих вдоль фасадов стояли караулы: солдаты в алых плащах, сжимающие серебряные арбалеты. Их лица скрывали глухие маски-намордники Псов Господних, превращая людей в механизмы для убийства. Никто не смел подойти к экипажу ближе чем на десять шагов. Прохожие — сплошь серые тени чиновников, нотариусы с испуганными глазами и младшие инквизиторы — прижимались к холодным стенам домов, склонив головы едва ли не до колен при виде золотого герба Священной Канцелярии на дверцах.

Рейн всё это время хранил молчание. Он перебирал пальцами четки из черного оникса, костяшки тихо щелкали друг о друга, но губы его даже не шевелились в молитве. Его взгляд проходил сквозь Киру, словно она была грязным стеклом, а сам он обдумывал диспозицию войск перед какой-то своей, невидимой битвой. Его присутствие заполняло пространство кареты целиком, плотное и тяжелое, оно буквально вытесняло кислород. Кира чувствовала, как начинает кружиться голова. Ей казалось, что если она сейчас случайно чихнет или неловко пошевелится, этот человек отдаст короткий приказ, и ее казнят прямо здесь, на кожаных подушках, просто за нарушение тишины.

— Вы дышите слишком громко, — вдруг произнес он. Голос прозвучал ровно, бесцветно, он даже не повернул головы. — Успокойте диафрагму. Мы подъезжаем.

Кира инстинктивно задержала дыхание, пока легкие не начало жечь огнем, ребра заныли от нехватки воздуха, и лишь затем медленно, мучительно выдохнула носом. В эту секунду она возненавидела его лютой ненавистью уже за то, что он заставил ее бояться собственного тела.

Карета остановилась перед воротами, которые больше напоминали портал в преисподнюю. Черное кованое железо высотой в три человеческих роста, украшенное переплетающимися шипами роз и мертвыми лилиями. Никакой позолоты — только вороненый металл, жадно поглощающий свет. Створки открылись абсолютно беззвучно, поглотив последние остатки уличного шума.

Они въехали во внутренний двор.

Особняк Верховного Инквизитора не имел ничего общего с теми кукольными, воздушными домиками знати, которые Кира видела на старых гравюрах. Это была крепость, высеченная из абсолютной власти. Монолитный куб из обсидиана и темного гранита, лишенный единого окна на первом этаже. Архитектура подавляла волю одним своим видом. Казалось, само здание смотрит на тебя тысячью невидимых глаз, оценивая меру твоей вины еще до того, как ты коснешься порога.

Кучер спрыгнул с козел, открывая дверь. Рейн вышел первым, его черный силуэт идеально вписался в геометрию двора. Дождь сюда не долетал — весь периметр накрывал огромный магический купол, удерживающий идеальную сухую погоду. Под ногами вместо грязи блестяли плиты полированного лабрадорита, похожие на гладь глубокого черного озера.

Кира выбралась наружу, щурясь от непривычного света. Воздух пах озоном, дорогим табаком и чем-то металлическим, тревожным — как запах крови после грозы.

— Иди за мной, — бросил Рейн через плечо, направляясь к центральному входу. — Не отставай. В западном крыле завелись тени. Охрана их еще не выжгла.

Он пошел вперед размашистым шагом. Кира подхватила саквояж и поспешила следу, стараясь попадать шаг в шаг. Ее стоптанные ботинки издавали жалкое, постыдное шарканье по идеальной глади камня.

Внутри оказалось еще мрачнее. Ни ковров, ни гобеленов, ни приветливых слуг с канделябрами. Гладкие стены цвета остывшей, запекшейся лавы освещались редкими газовыми рожками, заключенными в клетки из толстого бронированного стекла. Света хватало ровно настолько, чтобы не переломать ноги на лестнице, но недостаточно, чтобы разогнать жирные, живые тени по углам. Дом глотал звуки. Шаги тонули в абсолютной акустической пустоте, словно падали в вату.

Они поднялись на второй этаж. Прошли галереей, мимо бесконечных рядов одинаковых черных дверей, наводящих мысль на тюремные камеры. Остановились у последней.

Рейн достал ключ — тяжелый, старинный, с головкой в виде черепа ворона. Замок щелкнул с сухим, омерзительным треском ломающейся кости.

— Это ваши покои, — сказал он, толкая тяжелую створку внутрь. — Слева гардеробная, справа будуар, прямо — спальня. Купальня в конце коридора.

Кира замерла на пороге, боясь переступить черту. После плесени Кривого переулка комната выглядела как внутренность саркофага невероятно богатого фараона. Пол из цельных плит теплого розового кварца. Потолок такой высокий, что терялся во мраке, откуда вниз смотрели бронзовые крюки для люстр. Мебель — массивная, из эбенового дерева, обитая темно-фиолетовым бархатом, который не отражал, а пожирал остатки света. Огромная кровать под балдахином, способная вместить десяток любовников короля. На стенах — голый камень, прикрытый лишь в нескольких местах строгими, жестокими офортами с изображением сцен аутодафе. Никаких цветов. Никаких лент. Только геометрия, холодный камень и концентрированная власть.

— Где мои вещи? — глупо спросила Кира, оглядываясь на пустой центр комнаты. Ее голос прозвучал слишком высоко и одиноко.

— Ваши вещи остались в той жизни, — отрезал Рейн, проходя вглубь спальни. — Завтра придет портной. Послезавтра — ювелир. Все остальное вам доставят посыльные. Я распоряджусь, чтобы старый хлам из вашего... бывшего жилища сожгли сегодня же. Нечего приносить грязь в этот дом.

Он прошел в центр комнаты, остановился спиной к ней, глядя в окно. Снял перчатки. Звук тонкой кожи, скользящей по коже, показался Кире оглушительным выстрелом в этой гробовой тишине.

— Наш брак консуммирован не будет, — произнес он прежним ледяным тоном университетского лектора. — По крайней мере, до моего назначения Магистром Ордена. Мне нужен безупречный моральный облик для Совета. Вы будете спать в этой постели одна. Если мне захочется женщину, я найду ее в городе. От вас требуется другое. Ваше тело должно быть моим политическим капиталом. Оно должно выглядеть так, чтобы герцогини Валлары давились собственным отравленным вином при одном взгляде на вас. Вы поняли задачу?

Кира кивнула, хотя смысл слов едва доходил до сознания, оглушенного масштабом пространства и абсурдностью происходящего.

— Хорошо, — Рейн наконец повернулся.

Он сделал небрежный знак рукой. Из густой тени за колонной выступил тот самый невзрачный секретарь, следовавший за ним тенью. В руках он держал кожаный мешок, раздувшийся так тяжело, будто внутри лежали камни. Мешок упал на кварцевый пол с глухим, болезненным стуком.

— Здесь пятьсот империалов, — сказал Рейн. Золотые монеты даже сквозь дубленую кожу излучали ауру тяжести и слепящей власти. — Это аванс. Жалование жены Верховного Инквизитора. Тратьте.

Кира посмотрела на мешок. Потом перевела взгляд на профиль Рейна.

— Что именно мне... покупать? — голос дрогнул впервые с момента подписания брачного контракта, сорвавшись на тихий сип.

Рейн раздраженно вздохнул, словно объясняя очевидные вещи умственно отсталому ребенку, которому приходится повторять дважды. — Всё. Платья, которые стоят дороже годовой аренды торгового брига. Обувь ручной работы, которую вы наденете один раз ради ужина и снимете. Веера из перьев птицы феникс, если сможете их найти. Драгоценности, способные физически ослепить человека. Ваш вид должен кричать о моем могуществе громче, чем трубы Судного дня. Когда жена самого страшного человека в Империи выглядит как оборванка — это слабость. Когда она сияет, как корона — это угроза. Покупайте статус. Покупайте страх. Покупайте зависть.

Он направился к двери. На пороге обернулся: — Ужин в восемь. В малой столовой. Не опаздывайте. Опоздание я расцениваю как попытку отравления. Повару плевать, кого травить ради общего блага.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал для Киры как удар гильотины, навсегда отрезающий прошлое.

Она осталась одна. В гробу стоимостью в небольшое графство.

Первым делом она подошла к окну. За стеклом раскинулся сад — идеальный, геометрически выверенный лабиринт из стриженных самшитов. Ни одного сорняка. Ни одной лишней ветки. Даже природа здесь была подчинена воле хозяина и обрезана под корень, лишенная права на хаос.

Затем она посмотрела на мешок.

Пятьсот золотых империалов.

Ей понадобилось несколько долгих секунд, чтобы перевести эту сумму на язык своего прошлого, соотнести цифры с памятью. Год назад тетюшка Агата отказала им в займе в десять серебеников, заявив с кислой миной, что семья де Фальконе — банкрот. Отец тогда продал библиотеку предков за пятнадцать империалов, и они плакали неделю всей семьей, считая это концом света, полным крахом чести. Сейчас на полу перед ней лежало состояние, которого хватило бы выкупить половину Кривого переулка вместе с жителями и крысиными норами.

Страх никуда не делся. Страх свернулся холодным змеем внизу живота, туго сдавливая внутренности. Но поверх него, затапливая жилы горячей лавой, поднималось нечто иное. Дикое, пьянящее, почти безумное чувство вседозволенности.

Трать.

Слово билось в висках в такт пульсу, отдаваясь болью в затылке.

Кира опустилась на колени перед мешком. Руки, привыкшие штопать драные чулки при свете лучины, коснулись тяжелой кожи. Она развязала тугие тесемки.

Золото. Настоящее, имперской чеканки. Профиль Императора Эдварда VII на одной стороне, весы Правосудия — на другой. Монеты были странно теплыми. Или это ее собственные ладони горели лихорадочным огнем.

Она запустила руки внутрь, преодолевая легкий трепет суеверия. Зачерпнула полную, тяжелую пригоршню металла. Монеты потекли между пальцами обратно в мешок с тяжелым, влажным шелестом. Ш-ш-шух. Звук падающего водопада. Звук обрушивающихся старых стен родного дома.

Кира запрокинула голову и расхохоталась. Тихо сначала, зажимая рот ладонью, потом смех вырвался наружу, стал громче, заполняя огромную комнату, пока не перешел в откровенную истерику. Она смеялась, сидя на полу посреди огромной мертвой спальни, сжимая золото, которое ей заплатили за ее душу и имя.

Смех иссяк так же внезапно, как начался, оставив после себя звенящую пустоту. Осталась только ясность. Холодная, острая, режущая сознание, как осколок разбитого зеркала.

Если игра началась, нужно играть по правилам. Но правила всегда можно использовать против того, кто их написал.

Она встала. Подошла к звонку для прислуги — медному шару на длинной бронзовой цепочке. Дернула трижды, вложив в рычаг всю свою новую злость. Звук улетел гулким эхом в недра дома, но ответа не последовало. Рейн предупредил, что первый день слуг не будет. Проверка на самостоятельность хищника.

Кира прошла в гардеробную.

Это был не шкаф. Это был зал. Двадцать шагов в длину. Вдоль стен тянулись ряды пустых деревянных перекладин, ожидающих дорогих тканей. Лишь в самом дальнем углу сиротливо висело одно платье. Простое черное сукно, глухой воротник-стойка. Форма траура или форма послушницы. Рейн оставил ей униформу служанки, чтобы напомнить о месте, указать на самую низкую ступень.

Рядом с платьем стоял туалетный столик. На нем — кусок грубого, вонючего мыла, жесткая мочалка из лыка и полотенце из колкого небеленого льна. Зубной порошок из древесной золы. Забота о теле должна быть функциональной, как чистка оружия перед боем.

Кира сбросила свое старое синее платье прямо на пол, даже не заботясь о складках. Стащила через голову ветхую рубашку, которая расползалась под пальцами. Оставшись обнаженной перед зеркалами огромного трюмо, она впервые за много лет позволила себе посмотреть на себя не глазами голодающего попрошайки, ищущего сочувствия, а глазами придирчивого покупателя.

Худоба граничила с истощением, ключицы остро выступали, но линии тела оставались чистыми, скульптурными. Высокая грудь, тонкая талия, длинные ноги. Природа одарила ее статью герцогини, а жизнь пыталась превратить в щепку. Жизнь проиграла эту схватку.

Она смыла с себя пыль Кривого переулка жесткой мочалкой, содрав верхний слой старой, серой кожи. Боль была резкой, но приятной, очищающей. Это было крещение.

Чистые волосы рассыпались по плечам тяжелой, влажной волной. Янтарные глаза в желтоватом свете газовых ламп вспыхнули ярче обычного, поймав отблеск пламени.

Она вернулась в основную комнату. Подошла к мешку. Достала оттуда ровно двадцать монет. Ровно столько, сколько отец выручил за всю родовую библиотеку, продав мудрость поколений за еду. Положила их в карман халата, который нашла в ванной (грубый хлопок, такие носят корабельные повара). Остальные завязала намертво.

Затем она вышла из комнаты.

Коридор встретил ее гулким, торжествующим эхом собственных шагов. Кира шла уверенно, расправив плечи, ориентируясь на слабый запах угля и улицы, тянувшийся со стороны парадного входа. Она спустилась по главной мраморной лестнице, игнорируя черные винтовые ходы для прислуги. Солдат у подножия вытянулся по струнке, услышав шаги.

— Откройте ворота, — приказала она. Голос звучал ровно и властно, глубоко изнутри. Именно так, как учил ее отец, будучи еще в своем уме, управляя поместьем. — Я еду в город.

— Госпожа Инквизитор не имеет права покидать резиденцию без сопровождения Верховного или специального пропуска с тремя печатями, — прогудел страж сквозь решетку маски-намордника.

Кира посмотрела ему прямо в прорези шлема. Медленно, театрально она достала из кармана одну золотую монету. Бросила ее солдату. Тот рефлексивно поймал ее на лету, чуть не потеряв равновесие.

— Это за информацию, — сказала она, наслаждаясь властью этого слова. — Где находится лучшая портная мастерская в пределах десяти минут езды отсюда? Та, куда ходят фаворитки Короля и содержанки герцогов.

Солдат моргнул. Двадцать империалов год назад спасли бы ее семью от выселения на улицу. Одна монета просто за указание направления. — «Шелк и Шип», госпожа, — пробасил он, пряча деньги в нарукавный подсумок. — Угол Алмазной площади и улицы Благодати. Хозяйка — мадам Элара. Но там очередь на полгода...

— Очередь подождет, — отрезала Кира, отворачиваясь. — Ворота.

Страж отступил в сторону, лично, своими руками отодвигая тяжелые створки, предназначенные для танков.

Улица встретила ее шумом совсем другого сорта. Это был шум достатка, сытости и скуки. Цокот копыт редких породистых рысаков, приглушенный смех из-за тонированных стекол других экипажей, перезвон хрусталя в открытых верандах кафе.

Кира пошла пешком. Первый раз в жизни она шла по этому району не крадучись, пытаясь слиться со стенами и стать невидимой, а глядя прямо перед собой, встречая взгляды прохожих. Она чувствовала эти взгляды кожей. Лакеи богатых господ в пудренных париках смотрели на нее с недоумением: девушка в старом синем платье, идущая пешком по брусчатке Алмазной площади, — зрелище аномальное, сбивающее с толку. Но в ее походке появилась новая пружина, новый ритм победителя.

Мастерскую «Шелк и Шип» она узнала сразу. Витрина была забита живыми белыми орхидеями, цена каждой из которых равнялась годовому заработку грузчика в порту.

Кира толкнула тяжелую дубовую дверь. Над головой тихо, мелодично звякнул колокольчик из чистого серебра.

Внутри пахло пачулями, нагретым уюгом и деньгами — тем самым запахом, который невозможно спутать ни с чем. Помещение было небольшим, но каждый дюйм пространства вопил о роскоши. Бархатные пуфы, зеркала в тяжелых рамах из красного дерева, тихая музыка, льющаяся откуда-то из-под потолка.

Из-за ширмы выплыла хозяйка. Мадам Элара оказалась женщиной неопределенного возраста, закутанной в изумрудный шелк, который струился при каждом движении. Ее лицо было таким гладким, фарфоровым, что наводило на мысли о запретной магии или очень дорогих хирургах.

— Закрыто на частный заказ Герцогини Орлеанской, — певуче сообщила мадам, смерив Киру взглядом с головы до ног и явно готовясь указать на дверь легким движением подбородка. — Приходите в следующую среду, милочка. И пришлите записку от вашей покровительницы.

Кира улыбнулась. Той самой ленивой, опасной улыбкой, которой Рейн пользовался в Совете Старейшин, прежде чем уничтожить оппонента одним словом. — Передайте Герцогине

мои глубочайшие извинения, — сказала она мягко. — Ее заказ придется отложить. Теперь эта мастерская шьет только на меня.

Она извлекла из кармана оставшиеся девятнадцать имперIALов и бросила их на низкий столик из красного дерева. Монеты раскатились по полированной поверхности с веселым, вызывающим, праздничным звоном.

Мадам Элара побледнела так, что белая кожа стала отдавать синевой. Деньги исчезли со стола быстрее, чем капля воды испаряется на раскаленной жаровне. Взгляд хозяйки изменился мгновенно: из презрительного он стал подобострастным, масляным, бегающим.

— Ваше... сиятельство, — пролепетала она, делая глубокий, торопливый книксен. — Какая честь. Чем могу служить?

— Мне нужно самое дорогое платье, которое у вас есть, — заявила Кира, проходя вглубь зала и скидывая на ходу потертое пальто. — Прямо сейчас. На примерку. Нет, два платья. И манто.

— Но ткани... эскизы... мерки... Индивидуальный крой требует недель! — засуетилась мадам, всплеснув руками.

— У меня нет недель, — отрезала Кира, останавливаясь перед огромным зеркалом. — До вечера. Если справитесь, получите еще сотню золотом сверх счета. Если нет... я расскажу Верховному Инквизитору, что ваше заведение используется для контрабанды запрещенных некромантских артефактов. Говорят, иголки ваших швей оставляют в ткани следы демонической энергии. Очень удобная улика для внезапного обыска.

Угроза возымела действие лучше любого золота. Лицо мадам Элара приняло профессионально-безмятежное выражение опытного хищника, защищающего свою территорию. — Разумеется, госпожа. Мы оденем богиню за час. Раздевайтесь. Девочки, несите лучшие образцы!

Следующий час превратился для Киры в странный, гипнотический ритуал посвящения. Впервые в жизни чужие руки касались ее тела не для того, чтобы оттолкнуть, избить, проверить зубы перед покупкой или потребовать долг, а чтобы измерить, украсить и восхититься.

Портнихи, вызванные звонком экстренной тревоги, работали молниеносно, их пальцы летали над тканью. Иглы мелькали в воздухе серебристыми молниями. Шелка шуршали, как крылья гигантских тропических бабочек.

Первое платье было решено делать из ткани цвета полночного неба. Атлас оттенка «вдовья ночь». Плотный, тяжелый, текучий, он ложился складками самостоятельно. Корсаж затянули так туго, что Кире стало трудно сделать полный вдох, но зато грудь поднялась дерзко и высоко. Юбку кроили по новой моде — асимметричную, с турнюром, переходящим сзади в длинный, стелющийся по полу шлейф, готовый мести любую грязь.

Когда мадам Элара набросила на плечи Киры невесомую шаль из паучьего шелка, расшитую настоящим черным жемчугом, девушка посмотрела в зеркало и не узнала себя.

Из мутного стекла на нее смотрела незнакомка. Царственная, смертельно опасная, отстраненная. Синяки под глазами скрыла искусная работа белил. Губы, всегда сжатые в нервной, защитной линии, теперь пылали цветом запекшейся крови благодаря помаде, которую мадам нанесла сама тонким кистью.

Абсурдная стоимость этого наряда перестала иметь значение. Дело было не в тряпках. Дело было в броне, выкованной из чужой жадности.

— Жемчуг тусклый, — задумчиво сказала Кира, поворачиваясь боком к зеркалу. — Принесите бриллианты. Те, что размером с перепелиное яйцо. И сапфиры. Глубокие, синие, как трупные пятна утопленника.

Мадам Элара сглотнула, но покорно кивнула. Спорить с клиенткой, которая платит чистым золотом за час работы и угрожает гневом Инквизиции, мог только самоубийца.

Пока мастера крепили к корсажу брошь в виде паука из крупных сапфиров, Кира стояла неподвижно. Внутри нее боролись две сущности. Девчонка из Кривого переулка визжала от

первобытного ужаса перед собственной наглостью, закрыв лицо руками. Новая женщина — та самая картинка, которую требовал Рейн — холодно наблюдала за процессом сборки идеального механизма уничтожения.

— Сколько? — спросила Кира, когда последний стежок был сделан, а шлейф расправлен двумя помощницами.

Мадам назвала сумму. Четыре тысячи империалов за весь ансамбль. Сумма, за которую можно было купить небольшой военный корабль береговой охраны.

Кира не моргнула. Ресница даже не дрогнула. — Добавьте туда вон то манто из голубого горностаевого меха, — она указала длинным пальцем на белые меха в соседней витрине. — И туфли. Самые высокие каблуки, какие только сможет придумать ваша фантазия. Сделайте их такими, чтобы я хромала завтра утром. Мужчины любят смотреть, как красивая женщина страдает от боли ради них, но делает это изящно, не теряя достоинства.

Хозяйка мастерской начала мелко дрожать. Экстравагантность заказа переходила все границы здравого смысла, балансируя на грани помешательства. — Но оплата... такая сумма требует перевода через банк Королевской палаты...

Кира подошла вплотную, сократив дистанцию до интимной. От нее пахло дождем, простым мылом и новым, невероятно дорогим парфюмом, который ей тоже навязали, втиснув флакон в сумку. — Оплата будет здесь и сейчас, — прошептала она, глядя прямо в расширенные зрачки мадам. — Мой муж любит наличные. Особенно когда они переходят из рук в руки вне налоговых ведомостей Казначейства. Несите мешок.

Через десять минут Кира вышла из «Шелка и Шипа». На каждом пальце правой руки красовалось по кольцу. На шее тяжело, почти до боли, висело кольцо, впиваясь в нежную кожу. Горностаевое манто укутывало плечи облаком смерти.

Она шла по Алмазной площади, и люди расступались перед ней. Расступались сами, шарахаясь в стороны. Не потому, что узнали невесту Инквизитора — ее никто не знал в лицо. Они расступались перед воплощением денег. Перед запахом такого концентрированного богатства, что оно становилось физически ощутимым, как духота перед грозой, от которой звенит в ушах.

Сев в случайный наемный экипаж, Кира назвала адрес особняка. Всю дорогу она гладила рукав атласа кончиками пальцев. Ткань отвечала мягким, глубоким вздохом, принимая форму ее тела.

Она потратила почти всё выданное золото. Вернее, перевела его из формы бесполезного мертвого веса в форму влияния, страха и статуса.

Подъезжая к черным воротам резиденции, она увидела фигуру на ступенях.

Рейн ждал ее. Он стоял неподвижно, сложив руки за спиной. Черный силуэт на фоне темного, мокрого камня. Лампадка над входом подсвечивала его профиль снизу, превращая красивое, точеное лицо в маску древнего, кровожадного идола.

Экипаж остановился. Кучер открыл дверцу.

Кира вышла. Каблуки новых туфель действительно были рассчитаны на пытки — каждый шаг отдавался острой искрами боли в пояснице, но спину она держала идеально ровно, вздернув подбородок.

Она прошла по дорожке к крыльцу. Шлейф платья оставлял на идеально чистых плитах мокрые следы от растаявших снежинок. Горностаевый мех развеивался на сыром ветру, ловя редкие капли дождя, проникающие за купол.

Рейн не двинулся с места, пока она не преодолела последнюю ступеньку. Он осмотрел ее снизу вверх. Медленно. Оценивающе. Так мясник оценивает тушу премиальной говядины на рынке, проверяя свежесть мяса.

Его взгляд задержался на сапфировом пауке, ползущему по ее груди. На бриллиантах в ушах. На бледности ее ключиц, подчеркнутой опасным вырезом.

Губы Рейна тронула едва заметная усмешка. Одобрительная. Жестокая. Похотливая.

— Неплохо для первого часа свободы, — констатировал он. Голос стал чуть ниже, в нем появились новые вибрации. — Вы выглядите достаточно дорого, чтобы вдова герцога Валлара выпила свой цианид прямо сейчас, не дожидаясь рассвета.

— Спасибо, — спокойно ответила Кира. Она научилась этому слову сегодня. Слову, которое ничего не значит, но служит лучшей смазкой для шестеренок власти. — Бюджет исчерпан. Нужно еще минимум три тысячи на белье и домашнюю одежду. Старый халат сгорел вместе с прошлым.

Рейн полез во внутренний карман камзола. Достал чековую книжку в сафьяновом переплете. Золотое перо блеснуло в свете фонаря. — Три тысячи мало, — неожиданно сказал он, раскрывая книгу на чистой странице. — Вы забыли про парфюм. От вас все еще пахнет отчаянием и улицей, замаскированным тройной дозой фиалки. Купите что-нибудь с нотами туберозы и цианида. Запоминается. Пишите: пять тысяч.

Он вписал цифру твердой рукой, расписался размашистым росчерком, вырвал лист и протянул ей. Бумага была теплой от тепла его бедра.

— Продолжайте тратить, Кира, — сказал он, вкладывая чек в ее похолодевшую руку. Держал он ее пальцы чуть дольше необходимого, когтем большого пальца поглаживая кожу на запястье, там, где бешено билась синяя жилка. — Помните правило. Каждый потраченный вами золотой — это гвоздь в крышку гроба моих врагов. Чем шире вы распахнете кошелек, тем плотнее мы заколотим их карьеру.

Он отпустил ее руку и развернулся, чтобы уйти в темноту холла. — И да, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Ужин через полчаса. Постарайтесь не испачкать атлас супом. Я ненавижу пятна. Они напоминают мне о несовершенстве мира.

Дверь особняка закрылась за ним с мягким пневматическим шипением, оставив Киру одну на ступенях.

Она стояла под светом фонаря, завернутая в меха и шелка, стоящие целое состояние маленькой страны. В кармане лежал открытый лимит, способный прокормить небольшую провинцию в течение года. В голове было пусто и легко, как бывает после долгого, тяжелого обморока.

Она сделала первый ход. Она приняла правила игры.

Девчонка из Кривого переулка окончательно умерла там, наверху, задохнувшись в холодных объятиях горностаевого мантио. На ступенях дома Верховного Инквизитора стояла его жена. Идеальная, дорогая, смертоносная кукла.

И где-то глубоко под слоями атласа и бриллиантов, в том месте, где раньше билось открытое, доверчивое сердце, теперь размеренно тикал часовой механизм отложенной мести.

Глава 3. Искусство быть трофеем

Императорский дворец в Астерии не имел ничего общего с понятием «дом». Это был город, заключенный внутри другого города; бесконечный лабиринт из холодного стекла, тусклого золота и безжизненного мрамора, построенный параноиками для таких же запертых в золотой клетке безумцев. Кира стояла перед Зеркальной Галереей, и ее собственное отражение дробилось на тысячи осколков, уходя в сияющую, холодную бесконечность.

На ней было платье цвета застывшей крови — густое, темное бордо из тяжелого шелка-сырца. Ткань жила своей жизнью: при каждом вдохе она то проваливалась в глухую черноту, то вдруг вспыхивала рубиновым пожаром от случайного блика свечи. Корсаж мадам Элара затянула так жестоко, что дышать приходилось лишь верхушками легких, ловя воздух крошечными глотками. Грудь украшала брошь в виде спящего василиска. Его глаза были инкрустированы редчайшими александритами. — Сейчас они зеленые, как молодая трава, — тихо предупредил Рейн еще в карете. — Но под светом магических фонарей у императорского трона станут кроваво-красными. Как свежая рана. Не моргайте часто.

Его голос раздался совсем рядом, за спиной, заставив ее вздрогнуть. — У императрицы нервный тик левого века. Если вы начнете хлопать ресницами, решив стряхнуть наваждение, она решит, что вы насмехаетесь над ее недугом. И прикажет проверить ваш чай на наличие спор бледной поганки. Вы ведь хотите жить, Кира?

Она медленно повернула голову. Рейн стоял в трех шагах от нее. В своем черно-серебряном облачении Верховного Инквизитора он выглядел как ворон, случайно залетевший в павилиний вольер. Его хищная, пугающая красота здесь, среди кричащей роскоши двора, казалась чудовищной аномалией. Он не носил ни орденов, ни тяжелых золотых цепей, обязательных для чинов его ранга. Единственным украшением была простая серебряная цепь Великого Искоренителя Ереси — тяжелая, ледяная вещь, спускающаяся на грудь поверх черного сукна.

— Вы выглядите... приемлемо, — продолжил он, обходя ее по медленному, гипнотическому кругу. Его шаги по наборному паркету были абсолютно, мертвенно бесшумными. — Хотя сапфиры сегодня лишние. Фиолетовый конфликтует с бордовым. Цвета траура по старой династии смешивать нельзя — это дурная примета. Двор слишком стар, чтобы переваривать такие шутки судьбы.

Он протянул руку и без спроса расстегнул замочек тяжелого кольца на ее шее. Холодные камни тяжело упали ему в ладонь. Рейн убрал их в карман своего камзола так же буднично, равнодушно, словно бросал медяк уличному попрошайке.

— Запомните формулу, Кира, — сказал он, делая последний шаг. Расстояние между ними сократилось до опасного, обжигающего минимума. Она почувствовала резкий запах озона, исходящий от него — побочный эффект частого использования сдерживающих печатей. — Дворец живет слухами. Чем меньше мы даем им фактической пищи, тем громче будет эхо. Сегодня вы молчите. Вы смотрите сквозь людей, будто их плоть сделана из грязного стекла. Вы улыбаетесь только тогда, когда позволяю я. Ваша задача — стоять слева от меня, держать спину прямо и выглядеть настолько недоступной, чтобы старый герцог Валлар пролил свое коллекционное вино себе на кружевные штаны. Поняли?

— Я выгляжу как дорогая вешалка, — тихо ответила Кира, и впервые за недели сытой жизни в особняке в ее голосе прорезалась прежняя, злая интонация девчонки из Кривого переулка. — Очень красивая, очень дорогая и совершенно пустая внутри.

Губы Рейна дрогнули в подобии усмешки. Это была страшная метаморфоза: черты лица остались прежними, но вся человеческая теплота мгновенно испарилась, обнажив чистый, ухмыляющийся череп под кожей. — Пустота идеальна, — прошептал он почти нежно. — В

пустоту можно вложить любой смысл. Сейчас вы — смысл моей победы. Играйте свою роль, жена. Колокол бьет семь. Император ненавидит ждать больше собственной смерти.

Массивные двери Зеркальной Галереи распахнулись с тяжелым вздохом. Звук фанфар ударил по барабанным перепонкам, осязаемо вибрируя в груди. Лакей в ливрее цветов Короны выкрикнул титул, который все еще казался чужим: — Верховный Инквизитор Священной Канцелярии Рейн ди Мортейн с супругой!

Они вошли.

Прием уже гудел, как растревоженный улей, готовый ужалить любого, кто подойдет слишком близко. Сотни газовых рожков плавил хрусталь огромных люстр, превращая каждую каплю воды в парящую бриллиантовую пыль. Воздух стал физически густым, его можно было резать ножом — смесь приторных духов, кислого пота, воска и сладковатого привкуса магии. Аристократы сбились в стаи: военные жались к колоннам, обсуждая маневры на Южных границах; промышленники сгрудились вокруг столов с закусками, шепчась о пошлинах; придворные лизоблюды скользили вдоль стен, собирая сплетни липкими пальцами.

И все они замерли.

Эффект появления Рейна всегда был одинаковым. Сначала люди видели высокую фигуру в черном. Затем мозг отказывался верить увиденному, потому что человек такой концентрации власти просто не мог находиться среди обычных смертных без взвода охраны. А потом наступала паника. Тихая, вежливая, скрытая за приклеенными, дрожащими улыбками паника. Разговоры обрывались на полуслове, повисая в воздухе жалким хрипом. Бокалы замирали в сантиметрах от раскрытых ртов. Кто-то подавился шампанским, издав булькающий звук.

Кира почувствовала этот удар физически. Волна первобытного, животного ужаса, исходящая от толпы, отражалась от тысяч зеркал и возвращалась обратно, усиливаясь стократно, вбиваясь ей под ребра. Ей захотелось съежиться, спрятаться за широкую спину мужа, стать невидимой пылью. Но она вспомнила цену этого платья. Вспомнила тяжелый мешок с золотом, оставленный на кварцевом полу спальни. Вспомнила слова Рейна: *«Пустота идеальна»*.

Она расправила плечи, чувствуя, как трещат суставы. Подбородок чуть вздернулся. Взгляд янтарных глаз стал стеклянным, мертвым, устремленным куда-то поверх голов присутствующих, в спасительную белизну потолка. Она перестала быть Кирой де Фальконе. Она стала функцией. Идеальным механизмом.

Они двигались через зал. Рейн вел ее под локоть. Его пальцы сжимали ее предплечье с механической, нечеловеческой точностью — направляя, корректируя каждый миллиметр шага. Для всех вокруг это выглядело как нежная поддержка любящего супруга, помогающего даме идти по скользкому полу. Кира знала правду: одно неверное движение, один лишний взгляд в сторону, и эти пальцы превратятся в стальные клещи, ломающие кость с сухим треском.

Навстречу им выплыла Императрица Изольда.

Женщина неопределенных лет, чье лицо представляло собой шедевр имперской косметологии, боли и вечного недосыпа. Бледная кожа была натянута так сильно, влажно блестела под лампами, что казалось, треснет от малейшей искренней улыбки. Губы имели идеальный изгиб сердечка, но уголки их были навсегда опущены печатью вселенского недовольства. Рядом с ней, тяжело опираясь на трость с навершием в виде двуглавого орла, стоял сам Император Август IV.

Август выглядел уставшим. Смертельно старым. Его некогда могучее тело, воспетое скульпторами, теперь оплывало дряблым жиром под тесным бархатным камзолом, а мутные глаза, расширенные от макового отвара, смотрели куда-то сквозь пространство, мимо лиц, мимо самой реальности. Настоящая власть давно утекла к Совету, но трон оставался центром притяжения всех амбиций, последним призом в игре престолов.

— Ваше Величество, — Рейн склонился в безупречном поклоне. Глубоком ровно настолько, чтобы выразить почтение, но недостаточно низко, чтобы признать себя слугой. — Позвольте представить мою супругу, Киру ди Мортейн.

Кира сделала реверанс. Тот самый, которому ее обучали портнихи последние три дня, пока она пыталась не упасть в обморок от нехватки кислорода в сдавленном корсетом теле. Движение получилось идеальным: колени согнуты под нужным углом, шея обнажена, взгляд скромно опущен долу. Внутри же она считала секунды, пульсирующие острой болью в сдавленных ребрах. Один. Два. Три...

— Очаровательно, — прошелестела Императрица Изольда. Ее голос звучал как наждак, которым водят по стеклу. — Мы слышали... слухи. О вашем поспешном союзе. Говорят, девица происходила из каких-то... разорившихся книгочеев? Как трогательно, что Церковь заботится о сырых и убогих даже в ущерб государственным интересам.

Это была классическая дворцовая проверка. Попытка уколоть, вывести из равновесия, заставить защищаться, выставив себя идиоткой. Любая другая женщина начала бы лепетать оправдания или, того хуже, хвастаться поддельной древностью рода.

Рейн ответил за жену. Он выпрямился, положив свободную руку на эфес церемониального кинжала. — Милосердие — долг каждого верующего, моя госпожа, — произнес он своим глубоким, гипнотическим голосом, от которого у Киры по спине побежали мурашки. — Но в случае с леди Кирой речь шла не о благотворительности. Видите ли, после чистки Совета от последователей Черного Трибунала мне требовался свидетель моего... смирения. Леди Кира — воплощенная добродетель. Она напоминает мне о том, что за блеском абсолютной власти стоит лишь пепел и необходимость служить Провидению. Мы поженились не из страсти. Мы заключили духовный пакт. Она держит мой дом в чистоте молитв, а я оберегаю ее сон от демонов прошлого.

Кира едва заметно выдохнула. Сказано было гениально. Абсолютно убийственно. Для аристократии, привыкшей измерять всё брачными контрактами и земельными наделами, слова Рейна прозвучали как откровенное оскорбление здравого смысла. Жениться на бесприданнице ради «смирения»? Какой безумец откажется от выгодного альянса ради благочестия? Они ждали подвоха, искали циничный расчет, но слышали лишь высокопарную религиозную чушь. Это дезориентировало. Никто не боялся фанатика с добрыми глазами. Все боялись прагматичного убийцу. И именно поэтому они расслабились.

Императрица Изольда растерянно моргнула. Механизм светской беседы дал сбой, шестеренки заскрежетали. — Ах... ну конечно. Благословенна будь ваша... добродетель. Август, поздоровайся с женой нашего главного меча.

Император Август IV с трудом сфокусировал взгляд на Кире. Его зрачки были огромными, черными дырами, веки полуприкрыты. — Да-да, миленькая, — пробормотал он, шамкая губами. — Хорошая лошадка. Крепкая. Такие сыновьям нравятся. Когда наследник?

В зале повисла звенящая, оглушающая тишина. Вопрос Императора о детях невесте, которую представили час назад, был вопиющим, пьяным нарушением этикета. Придворные ахнули про себя. Герцог Валлар, стоявший неподалеку со своим выводком, злорадно осклабился, ожидая грандиозного скандала.

Кира почувствовала, как пальцы Рейна на ее руке впились сильнее, прорывая тонкую кожу перчатки. Предупреждение. Боль. Угроза.

Но вместо того, чтобы покраснеть, смутиться или дать гневную отповедь (что стало бы концом карьеры и жизни любого аристократа), Кира сделала нечто иное. Она подняла голову и посмотрела на Императора долгим, мягким, бесконечно сострадательным взглядом. Той самой маской святой мученицы, которой училась весь вечер перед зеркалом, пока слезились глаза.

— Здоровье Вашего Величества — главная молитва моего сердца, — сказала она тихо, но акустика зала разнесла ее слова далеко вперед, окутав старого монарха. — Дети — дар небес.

Небеса откроются тогда, когда Империя обретет долгожданный покой. Пока же... пока же я буду молиться лишь о крепости руки моего супруга. Чтобы он мог защищать Ваш драгоценный трон еще много десятилетий.

Она перевела взгляд на Императрицу и добавила с легким, извиняющимся наклоном головы: — Простите нам нашу прямоту. Жизнь в бедности учит говорить о важном сразу, минуя кружева слов. Время там течет иначе.

Это был нокаут. Чистый, звонкий апперкот. Изольда смотрела на девушку с плохо скрываемым изумлением, смешанным с ужасом. Девчонка не просто проглотила хамство монарха. Она использовала его, чтобы польстить Императору, возвысить мужа и одновременно пожалеть саму себя, вызвав умиление. Ни одного лишнего слова. Ни одной лишней эмоции сверх меры. Идеальная фарфоровая пастушка, внутри которой прятался холодный стальной стержень хирургической иглы.

— Какая мудрость... для столь юных лет, — выдавила Императрица, отступая на полшага. — Ступайте, дитя. Освежитесь. Шампанское там, у фонтана. Оно хотя бы настоящее.

Когда августейшая чета потеряла к ним интерес, переключившись на обсуждение новой породы охотничьих собак, Рейн наконец позволил себе расслабиться. Его хватка на локте Киры ослабла, превратившись в обычную поддержку.

— Неплохо, — процедил он сквозь зубы, поворачиваясь к окну. — Совсем неплохо. Император считает тебя племенной лошадью, зато Императрица думает, что ты блаженная юродивая. Это дает нам фору минимум на две недели.

— Он назвал меня лошадью, — повторила Кира, массируя запястье, на котором наверняка останутся багровые синяки. Ноги в новых туфлях горели огнем, ступни немели, но она продолжала стоять неподвижно, словно статуя. — А вы назвали наш брак «духовным пактом». Мне нужно заказать новые четки из адаманта или достаточно плетки для умерщвления плоти?

Рейн впервые за вечер посмотрел на нее с чем-то похожим на живой, исследовательский интерес. Он взял с проплывающего мимо подноса лакея два бокала шампанского. Один грубо сунул ей в руку. — Пейте. Медленно. Нужно занять ваши руки, иначе вы вцепитесь в горло герцогу Валлару, а нам еще рано начинать гражданскую войну. У меня на четверг другие планы.

— Я хочу знать, — Кира осушила половину бокала одним судорожным глотком, игнорируя пузырьки, бьющие в нос. Вода в Кривом переулке пахла гнилью, но лучше, чем это кислое пойло. — Зачем мы здесь? На этом приеме половина гостей готова продать родную мать за должность советника, а вторая половина спит с чужими женами прямо в оранжереях. Вы вписываете меня в этот зоопарк как новый экспонат? Почему вам понадобилось вытаскивать меня из грязи именно сегодня?

Рейн сделал большой глоток. Его кадык дернулся. Он смотрел поверх голов гостей, на огромную мозаику на потолке, изображающую Победу Света над Бездной. — Потому что политика — это театр теней, Кира, — сказал он. — И декорации решают всё. Смотрите внимательно.

Он кивнул в центр зала. Там, в окружении смеющихся офицеров, стоял молодой мужчина. Красивый той хищной, южной красотой, которая сводит женщин с ума и заставляет мужчин тянуться к оружию. Белоснежная форма генерала кавалерии сидела на нем идеально, подчеркивая широкие плечи. Граф Элиас Валлар. Сын герцога Валлара. Герой последней войны, любимчик гвардии и главный претендент на пост главы Тайной Канцелярии.

— Вот настоящий враг, — голос Рейна стал тише, приобретая металлический привкус опасности. — Элиас молод, популярен и невыносимо глуп. Народ любит его, потому что он машет саблей и целует младенцев. Армия любит его, потому что он платит солдатам из кармана отца. Если он получит доступ к архивам Тайной Канцелярии, он раскопает мои первые дела. Те самые, где я устранял конкурентов нынешнего Императора методами, далекими от праведных.

Меня сошлют в свинцовые рудники. Вас вернут в вашу плесень, в Кривой переулок. Где вам самое место.

— И причем тут мое платье? — спросила Кира, хотя ледяной ком понимания уже начал таять в желудке.

— При том, что Элиас — позер, — Рейн допил шампанское и поставил пустой бокал на подоконник с такой силой, что тонкое стекло жалобно звякнуло. — Он мыслит категориями балаганов. Он видит врага только тогда, когда тот бросает ему перчатку в лицо или вызывает на дуэль. Сейчас он смотрит на меня и видит скучного бюрократа в черном. Человека, который умеет только читать чужие письма и пытаться лавочников в подвалах. Он не воспринимает меня как угрозу.

Рейн повернулся к Кире вплотную. Его серые глаза потемнели, став почти черными, поглощающими свет. В них плясали отблески газовых ламп, складываясь в жутковатые узоры. — А теперь смотри дальше.

Он указал подбородком на другую группу. Там, в густой тени колонны, стоял сам герцог Валлар — отец Элиаса. Грузный, властный старик с лицом, напоминающим изъеденную временем каменную маску. Он беседовал с министром финансов, но время от времени его тяжелый, неприязненный взгляд отрывался от собеседника и скользил по фигуре Рейна.

— Герцог знает, кто я, — прошептал Рейн. — Он помнит кровь на моих руках, он чувствует ее запах спустя десять лет. Но доказать ничего не может. Ему нужны факты. Нужен мотив. Логика. Если я приведу на прием к Императору грязную оборванку, герцог посмеется и назовет меня дураком, потерявшим рассудок от власти. Стариком, купившим шлюху. Но если я привожу женщину, которая выглядит так...

Он обвел взглядом ее фигуру, длинную шею, сложную прическу, стоившую целое состояние. — ...так, будто я вытащил самую чистую жемчужину со дна проклятого океана и вставил ее в грубую оправу из обсидиана... Что подумает герцог, Кира?

Кира проследила за его взглядом. Она видела, как меняется выражение лица старого Валлара. Презрение в его глазах сменилось недоумением, а затем — острой, колючей тревогой. Старик перестал слушать министра. Он смотрел на Киру. Потом на Рейна. Потом снова на Киру. Его мозг судорожно пытался сложить пазл: холодный убийца-инквизитор + баснословно дорогая, царственная жена из ниоткуда = ?

— Он подумает, что вы нашли покровительство кого-то выше Императора, — глухо сказала Кира. — Или что вы собираетесь шантажировать саму королевскую семью каким-то невероятным, уничтожающим компроматом. Женщина такого уровня не появляется из ниоткуда. За ней стоят деньги. Огромные, древние, черные деньги. Деньги, которые могут купить полк гвардейцев и взорвать мосты.

— Именно, — удовлетворенно кивнул Рейн. — Страх — это отсутствие понимания. Герцог сейчас умирает от страха, он буквально зеленеет на глазах. Он начнет искать источник твоего происхождения. Будет трясти герольдмейстеров, скупщиков краденого, старых своден. Он потратит месяцы, пытаясь понять, откуда взялась Кира ди Мортейн. А настоящего источника нет. Есть только чековая книжка Верховного Инквизитора и вчерашняя поездка к мадам Эларе. Ты — призрак, Кира. Моя лучшая иллюзия. Пока они пытаются разгадать фокус с появлением кролика из шляпы, я успею сменить замки на дверях тюрьмы.

Кира смотрела на него, и леденящий, сковывающий ужас полз по позвоночнику. Дело было не в его жестокости — к ней она успела привыкнуть, впитать ее кожей. Дело было в масштабе. Он использовал живого человека, ее тело, ее историю падения, как шахматную фигуру. Но фигура была размером с собор.

— Вы чудовище, — тихо произнесла она. Слово вышло без ненависти. Просто констатация факта.

— Нет, — мягко возразил Рейн, и эта мягкость пугала больше любого крика. — Чудовища действуют инстинктивно, рвут мясо зубами. Я — архитектор. Я строю системы. А теперь иди. Стань видимой. Пусть Валлар смотрит на тебя, давится слюной, пока я буду смотреть на его самоуверенного сына.

Он слегка подтолкнул ее в спину, направляя обратно в бурлящую толпу.

Кира пошла, стараясь не хромать, хотя туфли буквально перемалывали кости пальцев в кровавый фарш. Она вклинилась в группку щебечущих фрейлин. Те смерили ее оценивающими взглядами — снизу вверх, от подошв до алмазных шпилек в волосах. Обычно после такого взгляда следовал ядовитый змеиный шип за спиной. Но сегодня, встретившись с ее отстраненным, янтарным, пустым взглядом, девушки вдруг замолчали на полуслове и расступились, давая ей место в центре круга.

Она стала центром внимания. Троянским конем из теплой, напуганной плоти и крови.

Следующие два часа превратились в медленную, изощренную пытку. Кира переходила от группы к группе, выполняя функцию блестящей мебели. Она позволяла мужчинам целовать ей руку — сухую, прохладную кожу, под которой не билось живое сердце. Она отвечала на вопросы о погоде и качестве льда на катках одними и теми же заученными фразами, представленными ей Рейном накануне. «О, лед нынче хрупок, как репутация старой знати». «Снег прекрасен, особенно когда падает на свежие могилы врагов Короны».

Ее дерзость, упакованная в оболочку наивности и благопристойности, приводила мужчин в щенячий восторг. Женщины же смотрели на нее с суеверным ужасом. Никто не понимал, почему Верховный Инквизитор выбрал именно ее, и эта неизвестность пугала больше, чем открытый скандал с дракой.

Кира научилась использовать свое новое оружие. Когда какой-нибудь престарелый граф слишком долго задерживал ее пальцы в своих влажных, липких ладонях, она применяла трюк: встречалась с ним взглядом и смотрела сквозь него. Не мигая. Ровно пять секунд. Люди начали отводить глаза первыми, бормоча невнятные извинения. Они чувствовали, что смотрят не на человека, а на бездну, одетую в шелк.

Она нашла Рейна взглядом. Он стоял у подножия золотой лестницы, ведущей к трону. Вокруг него клубились младшие секретари и просители. Со стороны он выглядел как утомленный работой чиновник, пришедший засвидетельствовать почтение. Скромный служитель веры. Серая мышь в черной сутане.

Но Кира, наблюдая за ним с расстояния десяти шагов, видела правду. Вот к нему подходит посол Южной Марки, известный своей наглостью и липкими руками. Посол что-то горячо доказывает, размахивая руками, брызжа слюной. Рейн слушает, склонив голову набок. Проходит десять секунд. Лицо Рейна не меняется ни на йоту. Посол внезапно бледнеет, покрывается испариной, прерывается на полуслове, кланяется и спешно ретируется в сторону выхода, вытирая лоб платком. *Что ты ему сказал?* — мысленно спросила Кира. — *Какую ложь? Какую голую правду?*

Затем к Рейну подплывает баронесса Левенталь, королева местных сплетен. Она берет его под локоть, прижимается пышной грудью, оставляя на черном сукне след пудры. Улыбается, демонстрируя все свои искусственные, слишком белые зубы. Говорит что-то интимное, понижая голос до грудного воркования. Рейн улыбается в ответ. Тепло. Почти влюбленно. Наклоняется к самому ее уху. Баронесса заливисто смеется, запрокидывая голову, сотрясаясь всем телом. Отсмеявшись, она отпускает его руку, приседает в глубоком реверансе и уходит, сияя, как новая монета. Через минуту Кира перехватывает обрывок разговора двух камергеров у колонны: — Слышали? Баронесса Левенталь получила анонимный вексель на сто тысяч. Говорит, наследство от тетушки из-за границы... — Тише! Та самая тетушка, которая повесилась в винном погребе двадцать лет назад? Смешно. Интересно, сколько писем вскрыл «добрый инквизитор», чтобы убедить ее платить добровольно?

Рейн не угрожал. Он не предлагал взятку. Он играл на пороках, как на расстроенном клавесине. Одному он подарил животный страх разоблачения, другой — надежду на халявное богатство. Он дирижировал этим огромным оркестром жадности и ужаса движением брови.

Кира почувствовала приступ головокружения. То ли от недостатка кислорода в тугом корсете, то ли от масштабов открывшейся ей картины ада.

Она отошла к балконной двери, ведущей в зимний сад. Холодный, сырой воздух ударил в лицо, отрезвляя, обжигая легкие. Здесь, среди искусственных пальм и запаха влажной земли, никого не было. Можно было наконец вдохнуть полной грудью, содрав с шеи удавку фальшивой улыбки.

— Жарко под софитами, госпожа ди Мортейн?

Голос раздался совсем рядом. Мужской. Низкий, с легкой ленцой сытого кота.

Кира резко обернулась. Элиас Валлар стоял в полумраке, опираясь плечом о ствол пальмы. Безупречный мундир расстегнут на две пуговицы, белые перчатки небрежно зажаты в правом кулаке. От него пахло хорошим табаком, выдержанным коньяком и уверенностью сытого, молодого хищника.

— Генерал, — Кира присела в быстром, легком реверансе, придерживая юбку. — Не ожидала встретить вас вдали от ваших... почитательниц.

— Они топчутся у кормушки, боятся потерять пайку, — Элиас усмехнулся, делая шаг ближе. Сокращая дистанцию. — А я предпочитаю свежую дичь. Отец говорил, что вы появились из утреннего тумана вместе с нашим Верховным Чистильщиком. Сказочная история. Вы любите сказки, леди Кира?

Он подошел вплотную. Намного ближе дозволенного этикетом. Кира оказалась прижата спиной к холодному, запотевшему стеклу балконной двери. Элиас нависал над ней, используя свой рост, ширину плеч и статус будущего главы государства.

— Я люблю те, где прекрасный принц спасает принцессу, — спокойно ответила Кира, глядя ему прямо в глаза. Главное правило выживания с такими людьми: никогда не показывай, что тебе страшно. Страх вызывает у них эрекцию, смелость — профессиональный азарт охотника. — Но обычно в финале выясняется, что принц — просто сборщик налогов, а замок заложен банку за долги предков.

Элиас громко рассмеялся. Смех был искренним, заразительным, заполняющим весь зимний сад. — Огонь! — восхитился он. — Сплошной черный камень снаружи, а внутри — чистое пламя. Теперь я понимаю, зачем он на вас женился. Вы единственный человек в этом мавзолее, от которого не несет мертвечиной и старыми счетами.

Его рука поднялась. Кира внутренне сжалась, готовясь получить пощечину или попытку сорвать поцелуй — стандартный протокол поведения высшего офицера с чужой, красивой женой.

Но пальцы Элиаса лишь аккуратно, почти бережно коснулись ее шеи, отведя в сторону прядь волос, выбившуюся из сложной прически. Он провел кончиком пальца по линии ее скулы, вниз, к губам. — Знаете, что самое забавное? — прошептал он, наклоняясь ниже. — Мой отец рвет и мечет. Нанял лучших сыщиков Семи Королевств. Они обыскали все архивы. Вашей фамилии нет нигде до прошлого месяца. До того момента, как вы подписали бумаги в канцелярии Рейна. Вы — дым. Призрак. Самая богатая и таинственная невеста десятилетия возникла из воздуха.

Он наклонился еще ниже. Его дыхание коснулось ее губ, теплое, пахнущее вишневым бренди. — Такая женщина должна бояться одиночества. Приходите ко мне завтра. Башня Воронов, восточное крыло. Мы поговорим о вашей родословной. Обещаю, я умею развязывать языки гораздо приятнее, чем следователи вашего мужа. Поверьте моему опыту допросов.

Это было предложение. Шантаж. Соблазнение. Всё сразу. Классический прием Валларов: сначала попытаться купить, затем — запугать, затем — соблазнить.

Кира позволила легкой, загадочной улыбке коснуться ее губ. Она положила свою ладонь поверх его руки, всё еще лежащей на стекле рядом с ее лицом, удерживая ее. — Генерал, — промурлыкала она, наклоняясь к нему так, что вырез ее платья опасно провис, открывая верхнюю границу александритовой броши-василиска. — Вы задаете слишком много вопросов. В доме моего мужа это считается признаком нездорового любопытства. А нездоровых вещей мы стараемся избегать. Говорят, они притягивают молнии. Весьма болезненные.

Элиас нахмурился, не понимая метафоры, пытаясь вычислить двойное дно.

В этот момент балконная дверь за спиной Киры открылась. Тихо, без стука.

На порог вышел Рейн.

Он не торопился. Он просто стоял там, держа в руках недопитый бокал вина. Серые, внимательные глаза обвели сцену: придавленная к стеклу жена, тяжелая рука генерала на ее шее, близость тел, нарушающая все законы приличия.

Рейн не изменился в лице. Он не повысил голос. Он вообще никак не показал агрессии. Только воздух вокруг него стал твердым, как гранит.

— Элиас, — произнес он ровным, приветливым тоном учителя, обращающегося к способному ученику. — Рад видеть. Как ваше колено? Всё еще ноет перед дождем? Старая рана от харацйских лучников порой преподносит сюрпризы, верно? Особенно та, внутренняя, задняя латеральная, о которой ваши лекари запретили вам рассказывать жене. Говорят, воспаление седалищного нерва делает мужчину весьма... задумчивым в постели. Теряется твердость намерений.

Улыбка сползла с лица генерала быстрее, чем воск со свечи. Кровь стремительно отхлынула от его щек, оставляя восковую бледность. Рука, касавшаяся Киры, одеревенела, вцепившись в стекло. Откуда?.. Харацйская кампания проходила под грифом «Совершенно секретно». Список ранений участников хранился лично у Императора в сейфе. Только служба безопасности самого высокого уровня могла иметь доступ...

Элиас понял всё в одну секунду. Сыщики, которых нанял его отец, рыли землю вниз, ища грязь. А Рейн сидел на самом верху, читая их доклады еще до того, как они попадали на дубовый стол герцога.

— Я... мы просто обсуждали погоду, Верховный, — прохрипел Элиас, отдергивая руку от Киры, как от раскаленного железа. — Старые раны, знаете ли...

— Конечно, — кивнул Рейн. Сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. Теперь он стоял между женой и генералом, закрывая ее плечом. — Погода нынче переменчивая. Как и лояльность некоторых молодых господ. Передайте отцу, что аукцион по продаже северных таможенных льгот состоится в четверг. Пусть приходит. И пусть обязательно купит что-нибудь. Если лот останется непроданным, его заберут... менее приятные покупатели. Например, ведомство по борьбе с казнокрадством. Доброго вечера, генерал.

Последние слова прозвучали как окончательный приговор, подписанный и скрепленный печатью.

Элиас Валлар, герой нации, сглотнул так громко, что Кира услышала сухой шелчок в горле. Он неуклюже кивнул ей, развернулся на каблуках и растворился в толпе гостей, которая тут же сомкнулась за ним, как вода, скрывая беглеца.

Наступила тишина. Только шум бала доносился из залы приглушенным, мерным гулом прибоя.

Кира медленно отлепилась от холодного стекла. Ноги дрожали мелкой, противной дрожью. Не от страха перед генералом. От осознания того, что произошло. Насколько легко сломать судьбу империи одним словом.

Рейн повернулся к ней. Маска «скромного служителя церкви» окончательно сползла, рассыпалась прахом. Перед ней стоял человек, способный уничтожить целую династию одним вовремя сказанным предложением. Человек, который держал в голове тысячи лиц, имен, дат,

болезней и постыдных секретов, используя их с легкостью ребенка, перебирающего деревянные кубики.

— Вы порезались? — спросил он, заметив каплю крови на ее ладони. Во время разговора со стеклом она слишком сильно сжала руку, и острый край алмаза на одном из колец вонзился в палец.

— Нет, — Кира слизнула кровь языком, металлическая нотка на языке помогла вернуть ясность мысли. — Просто проверяла остроту камней. Алмаз оказался достойным.

— Камни хороши, — согласился Рейн. Он допил остатки вина и поставил бокал на выступ фальшивой колонны. — Но сталь надежнее. Пойдемте. Император собирается произнести речь. Вам пора встать по левую руку от меня и изобразить вселенское обожание. Не забудьте сделать большие, преданные глаза. Герцог Валлар сейчас смотрит в нашу сторону.

Он протянул ей руку.

Кира посмотрела на его ладонь. Черная перчатка. Идеальный шов. Еще утром она думала, что покупает безопасность. Золотой билет прочь из голода и вони Кривого переулка. Сейчас, глядя в спокойные, мертвые глаза самого страшного человека в Империи, она поняла истинную суть сделки.

Она вышла замуж не за защиту. Она вышла замуж за эпицентр урагана.

И выбора у нее больше не было. Единственный способ выжить в этом шторме — научиться управлять парусами корабля, на палубу которого ее вышвырнуло разъяренное море.

Она вложила свою руку в его. Ладонь Рейна была горячей, почти обжигающей сквозь тонкую кожу перчатки.

— Большие глаза, — повторила она, поправляя свободной рукой выбившийся локон. — Вселенское обожание. Поняла.

Они вернулись в зал. Музыка грянула громче, торжественнее. Слуги открыли главные двери, ведущие в Тронный зал. Толпа пришла в движение, выстраиваясь в строгую процессию.

Кира ди Мортейн, дочь банкротов из Кривого переулка, чья фамилия официально существовала всего месяц, прошла сквозь расступающуюся высшую знать Империи. Она шла под руку с человеком, который владел их душами оптом и в розницу. Она ступала по золоту паркета, и звук ее шагов сливался с биением собственного сердца — тяжелым, размеренным, готовым к войне.

Глава 4. Вкус вседозволенности

Первые три недели абсолютной власти над собственным кошельком не опьяняли — они испепеляли, ощущаясь как непрерывный, оглушительный экстаз, от которого подкашивались ноги.

Кира просыпалась не от колючего холода или сосущего голода, а от того, что солнечные лучи, пробиваясь сквозь хрусталь витражей ее новой спальни, нежно касались атласного балдахина и рисовали на нем дрожащие цветные узоры. Воздух больше не пах застарелой плесенью и липким отчаянием трущоб. Он дышал деньгами: сухим, стерильным кедром, который жгли в каминах для дезинфекции; тяжелым мускусом дорогого парфюма, которым камеристка часами опрыскивала простыни; сладковатой телячьей кожей еще не разрезанных фолиантов.

Скука ударила внезапно, без предупреждения, подкравшись со спины ледяным кинжалом ровно в тот момент, когда горничная застегнула последнюю перламутровую пуговицу на ее шелковой блузе.

В огромном особняке Рейна само время загустело, превратившись в вязкую, черную смолу. Дни сливались в бесконечную, бессмысленную процессию ритуалов. Завтрак из семи перемен изысканнейших блюд, которые остывали нетронутыми, покрываясь слезой жира. Прогулка по портретной галерее, где мертвецы с золоченых рам смотрели на нее с холодным, вековым осуждением. Послеобеденный сон, после которого голова болела сильнее, чем до него. И чтение. Бесконечное, лихорадочное поглощение романов, скупаемых пачками у букинистов, отчаянная попытка найти в чужих выдуманных страстях замену зияющей пустоте собственной жизни.

Рейн появлялся редко. Словно внезапная гроза посреди ясного неба. Он входил в комнату, мгновенно вытесняя из нее весь воздух, задавал пару дежурных вопросов о здоровье, оставлял на ее руке поцелуй сухими, обжигающе холодными губами и исчезал, оставляя лишь запах озона и звенящее нервное истощение. Его отсутствие должно было принести облегчение, но приносило лишь гулкую, сводящую с ума пустоту. Кира с ужасом начала понимать природу стокгольмского синдрома: жертва привязывается к палачу просто потому, что он — единственное яркое, пульсирующее пятно в монохромном мире камеры смертников.

Первым настоящим звонком стало физическое осознание: ей больно смотреть на пустой чек, лежащий на туалетном столике. Рейн оставлял его там каждое утро. Лист плотной бумаги с водяными знаками Инквизиции и хищным росчерком Верховного внизу. «На личные нужды». Сумма никогда не указывалась. Она вписывала цифры сама, чувствуя, как дорогой грифель царапает душу.

Сначала это были тысячи. Десятки тысяч империалов. Платья, которые невозможно надеть дважды, не рискуя вызвать скандал. Украшения, требующие отдельной охраны.

Но человеческая психика чудовищно быстро адаптируется к дозе яда. Вскоре сто тысяч перестали вызывать даже легкий румянец возбуждения. Ей нужно было нечто большее. Нечто абсурдное. То, что нельзя купить за разумные деньги.

— Медведя, — выдохнула Кира, глядя на свое отражение в мутной глубине зеркала будуара. На ней был утренний пенюар из брюссельских кружев, чья стоимость равнялась годовому бюджету целого провинциального графства.

Камеристка, медленно ведшая костяным гребнем по темным волосам госпожи, замерла, словно наткнувшись на невидимую стену. — Что простите, миледи? — прошептали ее побелевшие губы.

— Мне нужен медведь, — повторила Кира, резко поворачиваясь. Ее янтарные глаза потемнели, затопленные тяжелой скукой. — Живой. Бурый. Крупный. Тот, что рычит так низко, чтобы слюна долетала до первого ряда зрителей. Найди мне зверолова. Прямо сейчас.

Через два дня главный вестибюль особняка наполнился первобытным ревом, густой вонью дикого зверя и паническими воплями прислуги.

Медведь сидел в самом центре драгоценной мозаики, прикованный тяжелой цепью к кольцу, которое слугам пришлось вбивать прямо в исторический гранит пола. Зверь весил не меньше пяти сотен фунтов. Его свалывшаяся шерсть пахла хвоей, кровью и свободой — запахом, абсолютно враждебным этому стерильному дому. Слуги забились по углам, словно мыши. Дворецкий хватался за сердце и угрожал немедленным увольнением всем подряд.

Кира спустилась по главной лестнице в домашнем платье цвета лаванды. Остановилась на предпоследней ступеньке, метрах в десяти от зверя.

Медведь рванулся вперед с такой силой, что содрогнулись стены. Цепь натянулась, зазвенев басовой струной контрабаса. Желтые клыки клацнули в воздухе в каком-то дюйме от ее лица. Оглушительный рев сотряс тяжелые хрустальные люстры.

Сердце Киры пропустило удар, а затем рухнуло куда-то в живот. По позвоночнику прокатилась волна чистого, незамутненного ужаса. Это чувство было настолько острым, настолько режущим, настолько отличным от бесконечной апатии последних дней, что на глазах выступили горячие слезы благодарности. Господи, она чувствовала себя живой. Адреналин выжег всю скуку дотла.

Она сделала шаг вниз, навстречу оскаленной пасти. — Тише, малыш, — прошептала она, протягивая открытую ладонь. — Ты тоже здесь пленник. Мы с тобой теперь экспонаты в этом музее человеческого тщеславия.

Зверь зарычал снова, но уже тише, вибрирующе. В его маленьких черных глазах-бусинках плескалось точно такое же безумие заточения, какое Кира видела каждое утро в собственном отражении.

— Оставьте его, — приказала она дворецкому, который пытался подкрасться сбоку с ведром грязной воды. — Не смейте его бить. Принесите ему мед. Двадцать горшков самого лучшего липового меда. И лосося. Свежайшего. Пусть объестся до полусмерти. Если он разнесет эту залу вдребезги — тем лучше. Я устала от идеальной, мертвящей тишины.

Вечером вернулся Рейн. Он вошел через черный ход, минуя разгромленный вестибюль, поэтому первое, что он услышал, находясь в своем кабинете двумя этажами выше, — это треск ломающегося дерева. За ним последовал мелодичный звон бьющегося стекла и трубный, леденящий кровь рев разбуженного хищника.

Верховный Инквизитор поднялся наверх стремительно, перепрыгивая через ступени. Открыл дверь своих покоев и замер на пороге. Посреди коридора стоял медведь. Видимо, цепь оказалась недостаточно прочной для существа, решившего размять затекшие лапы. Зверь методично, с философским видом обнюхивал мраморную статую обнаженной нимфы, держащую чашу с розами. Из пасти капала желтоватая слюна вперемешку с медом. А рядом валялся труп одного из элитных охранников-истребителей теней — парень совершил роковую глупость, попытавшись применить парализующее заклинание на существе, чья магически плотная шкура блокировала чары низшего порядка. Заклинание отразилось от шерсти и превратило стражника в идеально ровную, дымящуюся ледяную глыбу.

Саму Киру он нашел в малой гостиной. Она сидела в глубоком вольтеровском кресле, подобрав под себя ноги, и меланхолично ела засахаренные фрукты серебряной вилочкой с ручкой черного дерева. Напротив нее, жалобно поскуливая и закрывая лицо руками, сжался в углу личный секретарь Рейна — юная девушка-медиевистка, приставленная обучать Киру грамоте древних родов. Между ними на полу лежала раскрытая книга «Геральдика Северных Пределов». Страница с древом королей была безнадежно залита остывшим эрл-греем.

— Ты купила медведя, — констатировал Рейн. Его голос звучал убийственно ровно, но левая бровь со старым белым шрамом дернулась вверх. Единственный признак крайнего, почти детского изумления.

— Он скучал, — невозмутимо ответила Кира, отправляя в рот кусочек прозрачной айвы. — Ему категорически не нравился паркет. Слишком скользко для когтей. Пришлось сорвать ковры в западном крыле. Кстати, они оказались ужасны на вкус. Думаю, завтра мы закажем новые. Из шкуры белого тигра, ему понравится грызть ворс долгими зимними вечерами.

Рейн прошел мимо ледяной глыбы, внутри которой навсегда застыл его человек, даже не взглянув на нее. Трупы в его доме всегда убирали тихо и феноменально быстро. Он остановился перед креслом жены. Посмотрел сверху вниз, изучая каждый изгиб ее тела. Затем перевел взгляд на медведя, который наконец-то добрался до чаши с розами и начал задумчиво, как корова, пережевывать цветы вместе со стеблями.

— Вес? — спросил он деловито. — Около пятисот, — пожала обнаженными плечами Кира. — Полезная покупка, — неожиданно одобрил он, и в его тоне прозвучало мрачное удовлетворение. — Теперь герцог Валлар точно будет уверен, что ты повредила рассудком. А сумасшедшие невесты непредсказуемых инквизиторов пугают свет эффективнее демонов Геенны. Они боятся логики зла, Кира. Но хаос их просто сводит с ума. Умница.

Он щелкнул длинными пальцами. Из тени бесшумно выступил начальник службы безопасности дома. — Цепь заменить на адамантиновую. Двойную. Статую убрать, пока он ее не переварил. Лед растопить, тело кремировать немедленно. Девушку... — он кивнул на секретаря, — выпороть на конюшне за то, что позволила залить чай на подлинник де Монфора. Медведю дать еще рыбы. Госпоже ди Мортейн...

Рейн посмотрел на Киру. В его серых глазах мелькнуло нечто похожее на теплое, собственническое предвкушение. — Выдайте ей неограниченный доступ в винные погреба Западного крыла. Кажется, нашей баронессе захотелось немного развлечься. И пришлите ко мне казначея, мой кошелек сегодня похудеет.

Если медведь стал актом агрессии против архитектуры, то поход по обувным мастерским превратился в настоящую войну против здравого смысла.

Мадам Элара встретила ее как родную дочь, хотя при виде Киры руки великой портнихи столицы едва заметно дрожали. Прошлый заказ (платье, сшитое за одну ночь ради минутной прихоти) довел половину штата модистки до нервного срыва и трех сердечных приступов.

— Что желает божественная леди сегодня? — пролепетала мадам, перебирая образцы кожи трясущимися пальцами. — Обувь, — Кира тяжело упала на бархатный пуф, небрежно махнув рукой. — Много обуви. Я пересчитала туфли в своей гардеробной вчера ночью. Их семьдесят две пары. Это личное оскорбление. У меня всего одна пара ног. Несправедливо. — Семьдесят две! — ахнула мадам, машинально крестясь. — Но зачем столько хранить, миледи? Вы носите только пять... — Остальные напоминали мне о нищете, — отрезала Кира, и ее голос стал жестким, как битое стекло. — Те туфли предательски скрипели. Эти невыносимо трут. Третьи заставляют хромать слишком сильно, это выглядит жалко, а не аристократично. Я хочу начать заново. Сделайте мне коллекцию. Назовем ее... «Бездна».

Следующие четыре часа превратились в вакханалию кроя, выделки и дорогих тканей. Кира входила в настоящий раж. Чем более нелепыми, невозможными становились эскизы, тем шире становилась профессиональная улыбка мадам Элары, привыкшей потакать любым капризам богатых истеричек.

— Сапоги, — командовала Кира, постукивая пальцем по столу. — До самого бедра. Каблуки такой высоты, чтобы я могла заглядывать мужчинам прямо в макушки, свысока оценивая лысину. Материал — кожа василиска, вымоченная в слезах девственниц. Нет, отставить. Слезы нынче неоправданно дороги. Используйте обычную воду, но скажите клиентам, что это слезы. Люди платят за красивую ложь охотнее, чем за скучную правду. — Золотые пряжки? — Платиновые. С гравировкой моих инициалов внутри подошвы. Чтобы наступать врагам на горло именем, которое они даже не видят под слоем уличной грязи. — Цвет? — Черный. Как совесть моего мужа. Хотя нет... Красный. Цвет моей скуки и ненасытности.

Когда счет за пятьдесят пар туфель, половина из которых существовала пока только в виде деревянных колодок, перевалил за полмиллиона империалов, Кира подписала чек твердой рукой. Рука ее не дрожала. Она испытывала почти религиозный, языческий экстаз. Покупать вещи, которые заведомо никто не увидит — сапоги под длинным платьем, перчатки под рукавом, — было высшей, самой интимной формой свободы. Это было окончательное доказательство того, что деньги для нее действительно потеряли всякий смысл, став просто воздухом, которым дышишь, не замечая.

— Отправьте всё ко мне домой, — велела она, вставая и разминая затекшую шею. Колени слегка ныли от долгого сидения. — И наймите носильщиков. Хочу, чтобы коробки несли по главной улице открыто, днем. Пусть весь город видит, сколько блестящего мусора может купить женщина за один ленивый час.

Тело начало меняться незаметно, крадучись, день за днем.

Кира заметила это, когда однажды утром шнуровка корсета пошла иначе. Раньше ее ребра прощупывались легко, словно острые клавиши разбитого пианино. Теперь между ними появилась мягкая, упругая прослойка живого тепла.

Она встала на старинные аптекарские весы в ванной комнате. Механизм щелкнул громко, протестуя, и показал цифру, которая заставила бы любую придворную даму выброситься из окна башни. Плюс двенадцать фунтов за месяц сплошного праздного обжорства.

Паника длилась ровно тридцать секунд. Ровно до того момента, пока Кира не посмотрела на себя в высокое зеркало в полный рост.

Голод высушил ее юность, превратив в угловатого, колючего подростка. Сытость возвращала женщину во всей ее греховной полноте.

Лишний вес лег на кости идеально, как дорогой шелк. Сказались хорошие, благородные гены предков-графов. Щеки округлились, избавив лицо от болезненной резкости сироты. Подбородок перестал быть острым, приобретя плавную, манящую линию. Но главное волшебство произошло ниже. Грудь, бывшая скорее поводом для насмешек из-за своей плоскости, налилась приятной тяжестью, приподнялась, создавая соблазнительную ложбинку даже в самых закрытых домашних платьях. Талия осталась обманчиво тонкой благодаря ежедневным утяжкам, но контраст с бедрами стал поистине убийственным. Узкие мальчишеские бедра раздались вширь, обретя волнующую, кошачью округлость. При ходьбе тяжелый шелк платья теперь натягивался именно там, где положено притягивать мужские взгляды, лишая их воли.

Она перестала быть «интересной бледностью» из готических романов. Она стала роскошью. Запретным, спелым плодом.

Этим вечером Рейн принимал делегацию несговорчивых гномьих банкиров. Ужин проходил в Малой столовой. Кира опоздала намеренно, выдержав театральную паузу в двадцать минут. Она вошла, когда все уже приступили к десерту.

Разговоры стихли мгновенно, осыпавшись пеплом. Гномы — народ приземленный, ценящий золото выше красоты, — забыли про свои векселя и акции, открыв рты.

Кира выбрала для вечера темно-зеленое бархатное платье с провокационно открытыми плечами. Корсаж был скроен столь хитроумно, что казалось, будто грудь вот-вот выпадет наружу от малейшего наклона, удерживаемая лишь чудом и дьявольской силой воли. Мягкий свет сотен свечей играл на ее коже, подчеркивая новую, восхитительную полноту рук и плеч. Лицо сияло здоровьем и легким румянцем. Губы, покрытые плотным слоем карминовой помады, влажно, призывно блестели.

Она шла к столу медленно, плавно, позволяя присутствующим насладиться зрелищем. Каждый ее шаг отдавался легким, гипнотическим колыханием бедер.

Рейн сидел во главе стола. Когда она заняла место справа от него, он даже не повернул головы, продолжая слушать монотонный доклад казначея о пошлинах на мифрильную руду.

Но Кира почувствовала его напряжение спиной. Оно висело в воздухе, густое, тяжелое, как предгрозовое электричество.

Дождавшись паузы в разговоре, Рейн положил льняную салфетку на стол. — Господа, — произнес он своим тихим голосом, от которого у бородатых гномов почему-то синхронно задрожали бороды. — Финансовые вопросы могут подождать до утра. Моя жена потратила целое состояние на свой сегодняшний туалет, и будет верхом невоспитанности, если мы не уделим ему должного, пристального внимания.

Он повернулся к Кире. Серые глаза инспектора прошлись по ней снизу вверх. Медленно. Разделяя ее взглядом на части. Оценивая каждую складку ткани, каждую точку пульса на открытой шее. — Тебе идет лишний жир, — сказал он громко, нарочито четко, чтобы слышали все гости. — Теперь ты выглядишь как истинная королева. А не как голодная мышь, готовая продать душу за кусок заплесневелого сыра. Ешь. Сегодня паштет из печени перепелки удался на славу.

Кира взяла нож и вилку. Внутри нее всё кипело от смеси унижения, стыда и странного, темного, животного восторга. Он говорил о ней как о породистой кобыле, поправившейся на отборных кормах. И самое страшное, отвратительное и возбуждающее одновременно — это работало. Сидящие напротив мужчины смотрели на нее с новым, жадным интересом. Если раньше она была для них непонятным, бесполым приложением к опасному человеку, то теперь она стала призом. Наградой. Той самой красивой вещью, которой можно похвастаться перед другими самцами.

Она отрезала кусок мяса. Положила в рот. Мясо таяло, источая пряный сок. Она закрыла глаза от удовольствия, совершенно не заботясь о приличиях.

— Налейте мне вина, — попросила она, не открывая глаз. — Самого старого. Того, что стоит десять тысяч золотом за бутылку. Я чувствую, что сегодня оно пойдет особенно хорошо.

Бар «Золотая Кобра» находился в Нижнем городе, но имел репутацию заведения для тех, кто хочет безопасно поиграть в грязь, не мараю кружевных манжет. Сюда приходили младшие сыновья герцогов, проигравшие родовое наследство, и офицеры гвардии, ищущие приключений без последствий для карьеры. Здесь подавали зеленый абсент, который поджигали прямо в бокалах, и женщин, чьи имена знали все, но никто не признавал этого утром.

Кира приехала туда одна. Без единого телохранителя. Эта мысль пьянила сильнее любого алкоголя. Огромный кредит доверия Рейна превратился в невидимый, но непробиваемый плащ. Она знала: случись что, и вся Канцелярия перевернет этот проклятый город вверх дном. Эта абсолютная безнаказанность имела терпкий, металлический привкус пороха.

Она села за лучший столик у сцены. Заказала двойной абсент. Бармен посмотрел на ее холеные, лишённые мозолей руки, на бриллианты в ушах, стоимостью с целый квартал этого района, и побледнел до синевы. Абсент подожгли. Синее, холодное пламя отразилось в граненом стекле.

Первый глоток обжег гортань жидким огнем. Мир качнулся и поплыл, расцветиваясь неоновыми вспышками.

К ней подсели через полчаса. Сначала какой-то смазливый лейтенантик, потом — пожилой торговец восточными специями, принявший ее за элитную куртизанку новой волны. — Сколько? — дыхнул перегаром и луком торговец, кладя свою потную, тяжелую ладонь на ее колено поверх тончайшего шелка юбки.

Кира посмотрела на него. Взгляд ее был тяжелым, одурманенным алкоголем и многодневной бессонницей. В нем не было страха уличной девочки. В нем была холодная, клиническая оценка патологоанатома, разглядывающего интересный экспонат. — Ваше дыхание пахнет мертвечиной, — лениво сообщила она, делая новый глоток зеленого огня. — А ваши пальцы оставляют жирные пятна на коллекционном шелке Дома Лоренс. Уберите руку, или я прикажу моему медведю прислать вам вашу печень почтой. В подарочной коробке.

Торговец икнул от ужаса и ретировался, опрокинув стул. Лейтенант оказался смелее, но бесконечно глупее. Он попытался взять ее властным жестом за подбородок. — Кошечка выпустила коготки? — ухмыльнулся он, обдавая ее дешевым табаком. — Люблю диких. Пойдем, папочка научит тебя хорошим манерам в подсобке. Бесплатно, за красивые глаза.

Кира не стала кричать. Не стала звать охрану. Она действовала инстинктивно, вспоминая уроки Кривого переулка, усиленные холодной ненавистью сытого человека к голодному шакалу. Она резко наклонилась вперед, сокращая дистанцию до неприличия, и вцепилась зубами в его мясистый нос. Не укусила — сомкнула челюсти с такой силой, что хрящи омерзительно затрещали.

Лейтенант взвыл раненым зверем, отпатываясь, зажимая лицо руками. Между пальцев хлынула горячая артериальная кровь. — Передай своему генералу, — прохрипела она, брезгливо вытирая губы белоснежным платком, — что жена Верховного Инквизитора кусается. И нам очень, очень скучно.

Она бросила на липкий стол увесистый мешочек с золотом — плата за выпитое и компенсация морального ущерба — и вышла из бара. Холодный ночной воздух ударил в разгоряченное лицо, приводя в чувство.

Ее тошнило. От абсента, от запаха дешевого табака и мужского пота, от собственного падения.

Она стояла в грязной, вонючей подворотне, опираясь спиной о мокрую кирпичную стену, и впервые за долгое, бесконечное время плакала. Тихо, беззвучно, даваясь солеными слезами. Она ненавидела этот чертов особняк. Ненавидела медведя. Ненавидела пятьдесят пар идиотских туфель. И больше всего на свете она ненавидела саму себя за то, что укушенный нос зарвавшегося лейтенанта принес ей больше физического облегчения, чем любая молитва пресветлым богам.

Обратно в особняк ее вез наемный экипаж. Кучер поглядывал на странную богатую даму в разорванном у ворота платье через прорези кожаной маски.

Кира поднялась по черной лестнице для прислуги. Проскользнула в свою спальню, миновав бдительных стражей. Упала на кровать лицом вниз, раскинув руки. Сон не шел. Алкоголь смешивался в крови с адреналином, вызывая мерзкую дрожь.

Скрипнула тяжелая дубовая дверь кабинета рядом. Шаги. Тяжелые, знакомые, мерные. Рейн работал допоздна, сжигая свечи целыми охапками. Сквозь тонкую перегородку она слышала, как он ходит, как янтарное вино льется в его бокал, как шуршит плотная бумага отчетов.

Ей вдруг отчаянно, до сведенных судорогой пальцев захотелось, чтобы он пришел. Не как хозяин приходит проверить вещь. Как мужчина приходит к женщине. Чтобы сорвал это дурацкое дорогое платье, причиняющее боль каждой перетянутой лентой, швырнул ее на простыни и взял грубо, жестоко, иступленно, доказывая себе и ей, что она всё еще живая, теплая плоть, а не фарфоровая статуэтка в его коллекции редкостей. Чтобы наказал ее за поход в кабак. Или похвалил. Всё равно.

Она лежала в темноте, прислушиваясь к его шагам, и понимала всю глубину своего безумия. Она хотела монстра. Потому что только настоящее чудовище могло заполнить ту сосудую, космическую пустоту внутри, которую не брали ни горы золота, ни живые медведи, ни самые дорогие напитки мира.

Шаги приблизились к двери, соединяющей их спальни. Кира затаила дыхание, вжимаясь в матрас. Сердце билось где-то в горле, мешая вдохнуть.

Щелчок замка. Дверь открылась бесшумно.

В проеме возник силуэт Рейна. Он был без тяжелого камзола, в одной расстегнутой на груди рубашке. Верхние пуговицы вырваны с мясом. В руке — стакан с янтарной жидкостью. Он остановился на пороге, глядя на скомканную фигуру жены посреди огромной кровати. Втянул ноздрями воздух. Почуял запах другого мужчины, дешевой выпивки и улицы.

Кира зажмурилась, ожидая удара. Проклятий. Приказа собрать вещи и убраться обратно в свою промерзшую дыру.

Рейн сделал шаг в комнату. Поставил стакан на тумбочку. Сел на край кровати. Матрас глубоко прогнулся под его весом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.